

63.529(Рис - Бланк - 5 Нижн)
С 73

03

В. И. Сподина

**О чём
твоя песня,
Аули?**

Рецензенты:

Соколова З. П. — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Вэлла Ю. — ненецкий поэт, писатель, оленевод

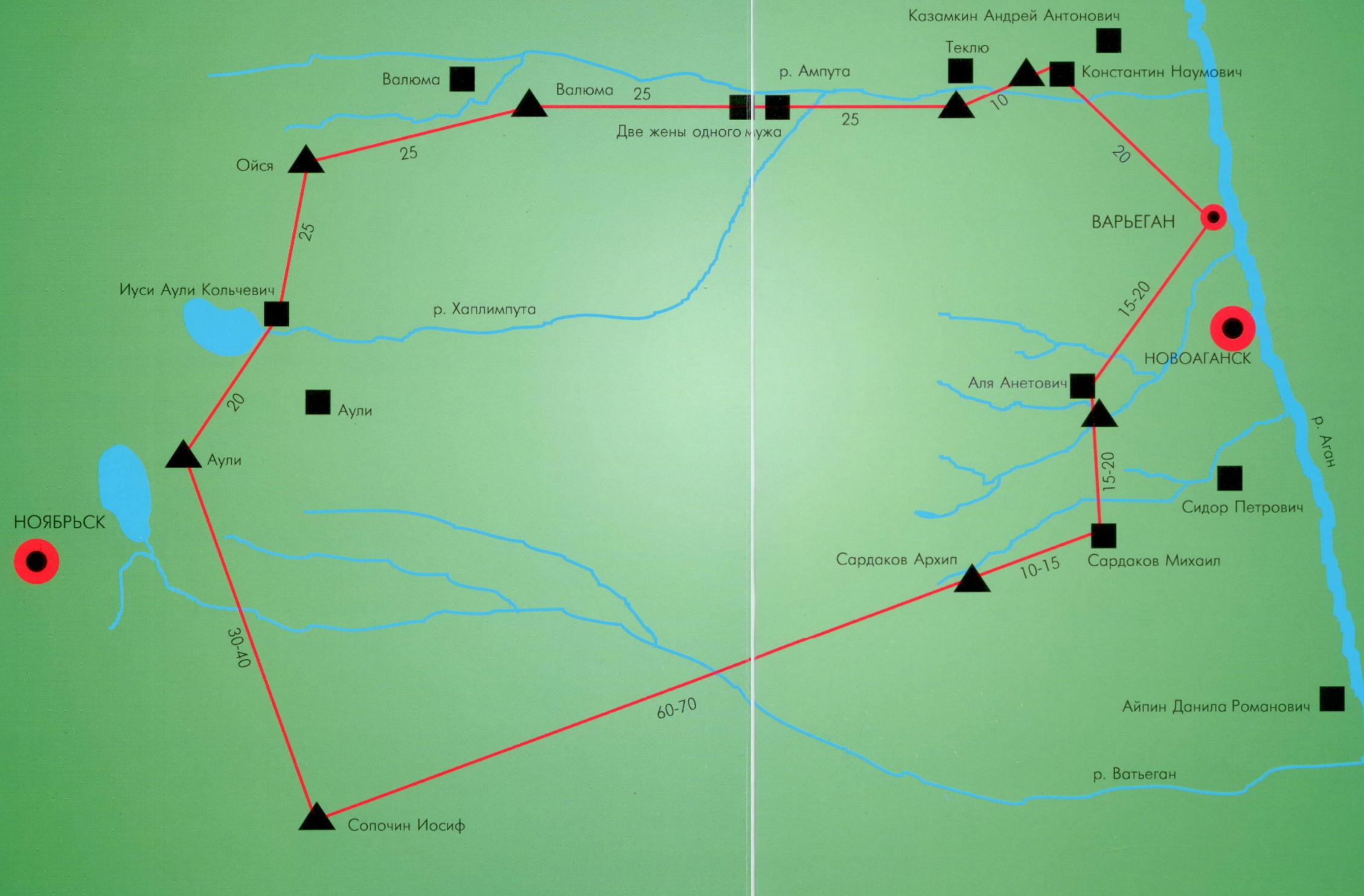
Книга содержит материалы небольшого путешествия к лесным ненцам, живущим в районе реки Аган Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа, знакомит с материальной и духовной культурой небольшого народа, ведущего традиционный образ жизни в условиях интенсивного промышленного освоения региона.

Читателю представлены уникальные карты, схемы, а также рисунки с экспонатов из фондов этнографического музея г. Мегиона.

Спонсор издания: Администрация г. Мегиона

Отпечатано фирмой «Интербук-бизнес». Телефон (095) 200-64-62

СХЕМА СТОЙБИЩ АГАНСКИХ ХАНТОВ И ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ

ОТ АВТОРА

3

«АНИН ТОРОВО»

5

ВСЮ БОЛЬ ЗЕМЛИ СНИМАЮЩИЙ

9

ДЕРЕВЯННЫЕ ГЛАЗА

11

БОР ВЫСОХШЕГО ДНА КОТЕЛКА

14

ДВЕ ЖЕНЫ ОДНОГО МУЖА

22

О ЧЕМ ТВОЯ ПЕСНЯ, АУЛИ

26

ПРИЧИТАНИЯ СТАРОГО УСТИ

28

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

30

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

31

ПРИЛОЖЕНИЯ

32

081193002

Мегион ЦБ-КО

МБУ «Централизованная

библиотечная система»

Инк № 81193/2-(1)

«Хозяйка вышла из двери с мешочком и стала кормить оленей накрошенной сушеною рыбой. Олени сразу окружили ее со всех сторон. Она приговаривала:

— Эй, Бурундукиха, я ж тебя покормила, отойди, дай место другим. А ты, сын Ветра, чего стоишь в сторонке? Подойди, не стесняйся. Как у тебя, Железный Пень, голова? Не болит? Эх ты, потерял вчера рог, давай скорей стряхивай и второй. Ведь он тебе будет мешать. А это кто такой нахальный? Ах, это ты, Гагаренок. Ну, на тебе кусочек повкуснее. Скоро хозяин будет приучать тебя ходить в упряжке. Наверное, впервые он тебя впряжен между твоей матерью и Железным Пнем. С ним тебе будет легко привыкать к работе. На тебе еще кусочек...»

Ю. Вэлла. Из рассказа о Шай-Ики

ОТ АВТОРА

Народ, говорящий на ненецком языке, живет на обширной территории тундры от Белого моря на западе до Енисея на востоке. Впервые ненцы (самоеды) упоминаются в одной из летописей Нестора, относящейся к концу XI века: «Югра же людь есть язык нем и соседят с Самоядью на полуночных странах». Больше сведений о самоедах дает известное новгородское сказание конца XV века «... за Югорьскою землею, над морем, живут люди Самоедь зовомыи Малганзеи. Ядъ их мясо оленье да рыба». И далее: «Сии ж людие не великии возрастом, плосковидны, носы малы, но резвы велмы и стрельцы скоры и горазды. А ездят на оленях и на собаках, а платье носят соболье и оленье ...».

Ненцы вместе с селькупами, энцами и нганасанами составляют самодийскую группу народов. До революции их называли самоедами, или юраками. При попытке объяснить происхождение и значение названия «самоеды» необходимо учитывать наличие вариантов этого термина, встречающихся в различных источниках: самоедь, самоядь, самоеды, самоедцы и др. Некоторые ученые считали, что русские дали такое название ненцам в связи с неверным представлением об их людоедстве.

Тем не менее выдающийся этнограф Б. О. Долгих в своей работе «Происхождение нганасанов» присоединился к мнению относительно происхождения слова «самоед» от словосочетания самэ-една — «земля саамов». «Это название, — отмечает ученый, — было перенесено русскими с саамских племен, занимавших, видимо, когда-то север России, на появившихся здесь позже ненцев, а затем на энцев и нганасанов».

Юраками (дюраками) ненцев называли их соседи — эвенки, энцы, нганасаны. Значение этого этнонима неясно. Как первый, так и второй не являются самоназванием ненцев. В этой связи следует упомянуть предположение Ю. Вэллы, ненецкого писателя, поэта, оленевода из поселка Варьеган. По его версии, слово юраки возможно произошло от тюл ка (юд ка), что на ляминском наречии дословно означает «десять ушей» или «всеслышащий».

Л. В. Хомич убедительно доказала, что принятное в советское время название для народности, говорящей на ненецком языке, — ненцы — является несколько измененным самоназванием этой народности. Самоназвание ненэць — «человек» — распространено главным образом в западных тундрах (к западу от Урала). В восточных районах расселения ненцев на полуостровах Ямал и Гыданском, в низовьях Енисея, в качестве самоназвания выступает сочетание ненэй ненэць («настоящий человек») или же используется слово хасава («человек», «мужчина»). В имеющейся литературе они известны также под названием пян' (пяд') хасава, что в переводе с диалекта тундровых ненцев, откуда взято это название, означает «лесные люди». Дополнительно отметим, что есть еще одно значение термина пя, в переводе с диалекта лесных ненцев имеющее значение «лесные люди, люди от дерева».

Где же прародина самодийских народов? Относительно происхождения народов самодийской группы существует ряд гипотез. Весьма существенным при этом является наличие в Южной Сибири, в районе Саянского нагорья, племен, язык которых еще в недавнем прошлом был самодийским. И. Э. Фишер высказал предположение, что северные

самоеды (предки современных ненцев, нганасан, энцев и селькупов) являются потомками самоедских племен Саянского нагорья, продвинувшихся из Южной Сибири на север по междуречью Оби и Енисея и по самой Оби. Придя в тундру, они частично истребили, частично ассимилировали аборигенов, вступая с ними в браки.

Сам же народ сформировался как отдельный этнос, вероятно, не ранее конца I — начала II тысячелетия н. э.

В настоящее время ненцы разделены на две группы: одна из них (свыше 95%) — так называемые тундровые ненцы, другая — очень небольшая — лесные. Всего же на территории России их проживает 34190 человек (по переписи 1989 года).

Лесные ненцы располагаются в зоне тайги, главным образом по берегам реки Пур и ее притоков. Бассейн же реки Аган Нижневартовского района, куда входит и территория Варьеганского поселка, представляет для них сравнительно новую территорию освоения. Пришли они в эти места, по мнению исследователей, с верховьев Пура и Надымса самое давнее — 2-3 поколения назад. Но топонимические ненецкие названия говорят о том, что до прихода сюда варьеганских лесных ненцев, этот народ и раньше проживал вместе с хантами в здешних краях. Старики помнят о Вэлле Ванкулей, жившем здесь в прошлом веке и не являвшемся прямым родственником сегодняшних варьеганских Вэлла.

Ныне в национальном поселке Варьеган проживают представители ненецких родов Вэлла, Иуси, Айваседа и Тетт. По мнению Ю. Вэллы, Тетт — это всего лишь часть рода Айваседа.

В гости на родовые стойбища Аули Кольчевича Иуси нам и предстоит отправиться. Гидом в этом путешествии любезно согласился быть житель поселка Айваседа Юрий Кылевич (Вэлла) — оленевод, охотник, писатель, этнограф. Происхождение своей фамилии он объясняет семейным преданием: «Дед мой во времена своей молодости по необразованности своей и по политической неграмотности вместе со своим родом бегал и от красных, и от белых. В этих бегах он скрывал свое настоящее имя, меняя название рода, т. е. фамилию. Почти такая же история случилась и со вторым моим дедом. И поэтому к первой переписи населения, которая проводилась на нашей земле в 30-х годах, они из рода Вэлла и рода Тетт стали Айваседами».

Исключительно благодаря его переводу в книге сохранены многие нюансы ненецкого языка и традиционного мировоззрения.

«АНИН ТОРОВО»

Национальный поселок Варьеган расположен на правом берегу реки Аган, недалеко от места впадения в нее небольшой речки Варьеган (вар — «запор», еган — «река», в переводе с хантыйского — «Запорная река»). Ненцы ее называют Пяшита — «Река по безлесью (текущая)». Здесь издревле селились люди. А где человек, там и святые места для почитания природы. Одно из них расположено как раз посредине дороги Радужный — Новоаганск. Редкий путник не остановится здесь, чтобы не набрать чистой родниковой воды. Это место ханты гордо называют «Баг навлын мыг» — «Земля, способная выдержать Богов». Место это и в самом деле особое, значительное. Здесь приносили жертвы дочери Хозяйки Агана. Хантыйское предание рассказывает, как поучал Обь-Старик еще молоденькую Аган:

— Дочь моя, охраняй свои берега. Они существуют для того, чтобы Белый Ягель копил силу для оленного взгляда, чтобы Красная Белка выкармливала в Кедровом Дупле свой выводок, чтоб Иглою Владеющая Женщина всегда шила для своих дочерей-сыновей Белые Кисы и Белые Рукавицы, чтоб под лыжами Удачливого Юноши всегда было бодрое скольжение ...*.

Интересен и сам поселок, где совместно проживают аганские ханты и лесные ненцы. Здесь происходит интенсивное взаимодействие двух основных этносов, характеризующееся, как правило, повышенным процентом смешанных браков, двуязычием или многоязычием при сохранении этнического самосознания.

От поселка до верховьев реки Хаплиуты протянулась на многие десятки километров нал'ка нготу — древняя оленная дорога рода Иуси. Тогда, в начале ноября 1990 года, мы даже и не подозревали, что эта живая карта земли так сильно пронижет сердце и душу, свяжет всех участников экспедиции на долгие годы сотнями невидимых нитей.

* Кедровое Дупло — урочище-урман, Белый Ягель — растительный мир, Иглою Владеющая Женщина — человечество.

Из Мегиона мы выехали вахтовым «Уралом» вместе с учащимися детской художественной школы. Ребятам впервые предстояло окунуться в атмосферу национального поселка. Путь занял около 6 часов. Немного уставшие после долгого пути, расселись они вокруг чувала* в просторном зимнем доме на территории Варьеганского этнографического музея. Языки пламени охватывали вертикально поставленные поленья, освещая ребят, разместившихся на нарах, и все нехитрое убранство жилища оленевода. Потрескивали сосновые поленья, выбрасывая искры-угольки. Прислушиваясь к «голосу» огня, ненцы могли предугадывать грядущие события.

В далекое прошлое у вели нас легенды и предания, рассказанные о своем народе Юрием Кылевичем. И вот уже слышны звуки ожившего бубна, с вешалов снимаются и примеряются меховые одежды. Бери и смотри любой «экспонат». Здесь нет витрин, нет замков, нет той нарочитой парадности, которая отличает традиционную музейную экспозицию.

На встречу с ребятами Юрий Кылевич пригласил своего земляка Аули Кольчевича Иуси. Старик спел древнюю ненецкую песню, а потом еще одну, и еще ... Затаив дыхание мы слушали протяжные, идущие из глубины души незнакомые завораживающие звуки. Их не хотелось прерывать, они входили в гармонию с душой слушателя, и в сердце рождались добрые, благодарные чувства к этому спокойному неторопливо-му человеку с приветливым лицом, светящимися глазами, вдохнувшему в нас вековую мудрость своего народа.

День быстро промелькнул. Его едва хватило, чтобы ребята сделали натурные зарисовки, эскизы одежды, традиционных построек, предметов быта... И, конечно же, фотографии на память. Но вот Аули снова взял свой бубен, провел по нему шершавой сухой ладонью, словно вспоминая что-то, привычным движением руки взмахнул колотушкой, будто приготовился к танцу.

* Чувал — открытый очаг типа камина.

Этот момент запечатлен на фотографии. К ней я возвращаюсь не раз, чтобы вновь ощутить радость общения с удивительно простым и таким глубоким в своей мудрости человеком. Для меня это состояние души тогда стало знаком удачной дороги.

Ребята сели в машину, чтобы отправиться в обратный путь. Прощаюсь с ними и со своим сыном Женей, который часто ездит со мной. В свои пять лет он впервые на вертолете МИ-2 побывал на стойбище хантов Ачимовых на Малом Югане. Вместе с сотрудниками музея начинал строить этнографический заповедник сначала на берегу Оби, а затем на базе отдыха геологов «Югра» в 40 километрах от Мегиона. Вместе мы ходили и таежными тропами. В городском музее ему знаком практически каждый экспонат. Многие из них он видел первым, когда я возвращаюсь из очередной экспедиции.

Машина скрылась за поселком. Скоро отправляясь в дорогу и нам. В доме Юрия Кылевича все мои вещи подлежат строгому досмотру: лишнее, ненужное, бьющееся откладывается в сторону. В конце концов из всех многочисленных сумок, кульков и узлов остался один большой мешок. «Вот теперь ты как настоящая ненка», — подвел итог нашим сборам Юрий Кылевич.

Не брать лишнего в дорогу, не отягощать путь — характерная черта быта кочевых народов. В древнем предании рассказывается, что после Вознесения Человека жители Земли собрались на большой праздник. На него приехали и повзрослевшие сыновья Вверх Ушедшего Человека. Они охотно разговаривали с сородичами, рассказывали о житье-бытье Наверху, исполняли обряды... А после праздника сели на свои нарты и уплыли в заоблачный мир.

На память людям осталась заросшая травой и мхом лиственничная нарта Вверх Ушедшего Человека, которая в день отъезда до середины врезалась в мерзлую землю. Накануне Человек сказал жене, чтобы та не брала с собой ничего лишнего. Но женщина не послушалась и все лишнее сложила на последнюю нарту каравана-аргиша. Когда пришло время отъезда, она тронула своего вожака. Олени подняли вверх первую нарту ее аргиша, подняли вторую, третью... Пово-

зка легко катилась по прозрачной равнине неба. Но вдруг нарты резко дернулись — женщина оглянулась. Последняя нарта не могла оторваться от земли. Рванулись олени, напряглись их поводки от передней нарты. Еще рывок — наконец последняя нарта оторвалась от снега.

Медленно, с трудом поднимали олени нарту в небо. Скачок, еще скачок — и лопнули постремки-ремни. Нарта с небесной высоты врезалась в мерзлую землю.

Небо не смогло принять нарту с лишними, ненужными вещами.

С того дня немало дождей-ветров прошло по земле. Но до сих пор, сказывают люди, сохранился замшелый остов той нарты. Сохранился в назидание потомкам: чтобы не брали в дальний путь ничего лишнего, чтобы все дела и помыслы в дороге, называемой жизнью, были бескорыстными и чистыми, чтобы следующим поколениям проложили ничем не запятнанный след...

Пока мужчины пили крепко заваренный чай, я с любопытством разглядывала выданый мне в дорогу кумыш — меховую одежду с капюшоном, теплую и удобную. Ширина ее позволяет комфортно сидеть на нартах или снегоходе и не сковывает движения, а свободный край рукава дает возможность быстро снять кумыш. Правда, поначалу неудобство доставлял капюшон. Казалось, что отверстие для головы слишком мало. Но когда тронулись в путь и ветер со страшной силой ударили в лица, пронизывая тело, преимущества такой одежды стали видны сразу. Кстати, слово «мужчина» по-ненецки «шомямя мэ'та» переводится как «капюшон носящий», в отличие от слова «женщина» — «хамам мэ'та» — «шапку носящая».

Кумыш, в котором мне предстояло отправиться в дорогу, был сшит Евдокией Николаевной Покачевой, женой Кузьмы Михайловича Покачева. Это ее первая самостоятельная работа.

Утром следующего дня, морозным и ярким, на снегоходе подъехал Аули Кольчевич с женой Раей. Одетая в красный суконный распашной халат на подкладке из шкурок гагары (тянт*), она выглядела очень нарядной.

«Анин торово!» — поздоровались они и зашли в дом. Так началось мое знакомство

* Тянт — внутренний меховой подклад.

с удивительным народом, имя которому — лесные ненцы.

На двух снегоходах мы проехали краем поселка, пересекли автомобильную дорогу, соединяющую Новоаганск и Радужный. Впереди был чей-то след. Шел он вдоль извилистой незамерзающей речушки, пересекая озера и островки невысокого леса. От яркого солнца глазам становилось больно. Сиреневые тени деревьев изрезали бело-снежно-искристое покрывало земли. Не хотелось верить, что ноябрь ненцы называют «малым темным месяцем».

Первую остановку сделали на озере Тял'аман-тотаяй, или «Озеро людей, вылавливающих ершей» («Ершарей озерище»). И хотя озеро маленькое, именно оно имеет большое значение для варьеганцев. Здесь всегда останавливаются, проверяют упряжь, вспоминают, все ли взяли в долгий путь. Ведь еще не поздно вернуться обратно!

Из этого озера вытекает небольшая речушка Еганишко. Она впадает в Аган в конце поселка и кормит рыбой всех его жителей.

Сибирь по праву называют страной рек и озер. Сколько их мы пересекли на своем пути! И у каждого своя отметина. В этой своеобразной карте земли — собственное представление народа о мире, его окружающем, о его прошлом и настоящем. Названия — это такие же памятники старины, как древний курган или белокаменный собор. Они нужны человеку, потому что создают и сохраняют тот мир, что зовется Родиной.

Нял"айта вытю — «Поперек (дороги) расположенная (болотная речка)». По-ненецки речка — тяхку, но этого слова в названии нет, оно лишь подразумевается. Когда-то Аули Кольчевич здесь потерял свою жену. Случилось это несколько лет назад. Возвращались Аули с Раей со своего стойбища в Варьеган. Было уже темно, нарты сильно подбрасывали на кочках. При очередном ударе Раи выпала из саней в снег. Делать нечего, отряхнулась она и пошла по следу мужа.

А у Аули через 5–6 километров сломался снегоход, и он занялся его починкой. Рая, нагнав мужа, молча села на нарты. Только в поселке Аули узнал, что по дороге потерял жену.

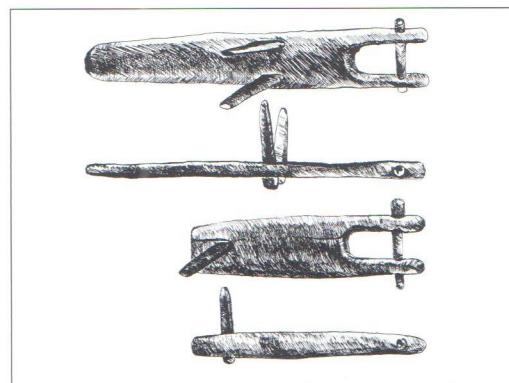
Слушая рассказ Юрия Кылевича об этом случае, я невольно посмотрела на Аули Кольчевича, который в это время был занят своим делом и вроде бы не слышал, о чем идет речь. Но по его посветлевшему лицу и промелькнувшей улыбке я почувствовала, что он гордится своей женой.

Снегоход бежал ровно и неторопливо. Полозья прицепленных сзади нарт проворно съедали сажени пути. Мы выехали на озеро Кысуй-то — «Сухое (т. е. мелкое) озеро». Считанные минуты, и оно осталось позади. Аули с Раей уехали намного вперед. Видно было, как старик радовался дороге и движению, ибо в этом — вся жизнь охотничьего рода.

Мы остановились на озере Чонь'-то. Многие варьеганцы называют его Чонь'тотаяй — «Озерище лис». Место это — родина настоящих ненцев Айваседа. В бору по берегам озера всегда были стойбища людей, которые выращивали лисят. Чуть в стороне от дороги еле заметно просматривается шестиногий ненецкий лабаз. Приналежал он деду Олега Панкевича Айваседы. Заглянув внутрь обвалившегося лабаза, мы увидели оставленную берестяную колыбель, крепко примерзшую к земле. Рядом, из-под снега Юрий Кылевич извлек не-приглядную деревянную палочку. Но через мгновение она превратилась в любопытное орудие труда — рубанок.

Ненецкое его название нелшан — «тоненькую, нежную, хрупкую (стружку) производящий». Кстати, тоненькая стружка произносится как «нелаку». Так же называют и трудного ребенка, и вылупившегося в гнезде птенца, и маленького олененка.

Ненецкий рубанок — нелшан.

Этим инструментом делают древко стрелы, черенок хорея*, жала для морд**, то есть все те предметы, которые должны быть круглыми в сечении с очень ровной идеальной поверхностью.

Юрий Кылевич вынул из ножен нож и стал ловко обстругивать палочку. В такт движениям покачивались на его поясе медвежьи клыки. По ненецким поверьям, они не только охраняют хозяина «со спиной» и приносят удачу, но и отгоняют злых духов и предупреждают ломоту в пояснице.

В давние времена поверья эти были так сильны, что медвежьих клыков не хватало, и южные ненцы покупали их у северных.

Через «Озерище лис» протекает Ка́ну'пунсл"е'мя — «Речка для переправы по полой воде на ту сторону речки нарт». Для коренного жителя это значит, что здесь всегда жили оленные люди.

Следующее озеро на нашем пути — Теты'тяхан-то — «Озеро речки родовой стоянки». Сама речка Теты'тяха впадает в речку Ампута, и на ее устье с двух сторон были родовые стоянки Иуси. Но там жили и Айваседа.

Дорога по замерзшим кочкам не дает расслабиться. То тут, то там на деревьях у дороги белеют обветренные черепа оленей, лосей, медведей. Для ненцев это и своеобразная метка, и дань традиции. Ведь черепа этих животных нельзя бросать на землю, чтобы не осквернить тем самым зверя. Черепа обычно брали после праздника с собой в дорогу и где-нибудь по пути оставляли на дереве.

Вдали показалось озеро Ханыме'эй — «Хозяин подземных ручьев». Оно состоит из двух отдельных озер, соединенных подземной речкой. Она то течет по поверхности, то уходит под землю, чтобы вынырнуть в другом месте. Возможно, в древности эти озера имели разные названия. Ближнее было семейным святым местом Начу Иуси. Мы остановились. Юрий Кылевич достал из кармана горсть монеток и разбросал их по кочкам. Здесь он больше суток в дождь и снежную слякоть пролежал больным под примитивным шалашом из куска брезента. И теперь раз в год оставляет он на этом ме-

сте жертву богам в знак благодарности за свое спасение — таков обычай.

Сейчас озеро стало местом паломничества для буровиков. Наловив вдоволь рыбы, они оставляют здесь банки, бутылки, железо, бумагу и просто мусор. А ведь для северных народов непременным условием проживания было и есть поддержание чистоты в природе. Ненужные старые вещи, отслужившие, казалось, свой срок, относили в лес, аккуратно укладывали или вешали на деревья. Может быть, они еще смогут кому-то пригодиться. У манси даже существовало поверье: из брошенных где попало вещей возникает злое существо Пауль ерут, которое пожирает людей.

Без остановки въехали на озеро Тлат-то («Дошатое озеро»). Чтобы понять его название, необходимо сказать о специальном способе лова рыбы, при котором досками перегораживают впадающую в это озеро речку. Доски устанавливают вертикально в два ряда, а пространство между ними засыпают землей. Течение ослабевает, и рыба, ощущая недостаток кислорода, начинает идти из озера против течения и попадает в ловушку — морду.

Такой способ рыбной ловли всегда начинается с ритуального покаяния. Накрывают стол с жертвенной пищей, бросают в реку монетки, на берегу реки по возможности развешивают на деревьях полотна ткани. Без жертвоприношения нарушать нормальную жизнь реки нельзя. Ведь эта река должна накормить семью не только сегодня, она должна кормить ее всегда.

Рыбная ловля окончена. Теперь самое главное вовремя открыть реку. Доски вынимают и складывают здесь же на берегу, чтобы использовать их в следующий раз.

На озере Лэпа'котин-тотяй мы остановились вновь. Лэпа — это ненецкое имя, а котин — означает, что человека нет в живых. Юрий Кылевич название этого озера перевел так: «Шаткой походкой идущего покойничка озерище».

Озеро это небольшое, но примечательное. История его названия такова. Однажды Лэпа гнал вместе с Пеналю («Человек небольшого роста») оленей вдоль берега. На их пути встретилась небольшая речушка. Олени переправились, и Пеналю перепрыгнул. Лэпа думает: «Раз Пеналю перепрыгнул, я и подавно пере-

* Хорей — длинный шест, которым погоняют оленей в упряжке.

** Морда — рыболовная ловушка.

скочу». Прыгнул — и в середину речки угодил. Пеналю крикнул: «Сейчас вытащу, помогу!». Лэпа сначала отказался, надеясь на свои силы, однако был вынужден в конце концов попросить о помощи. Пена-

лю сперва выташил Лэпу, затем его штаны и кисы. В каждом из кисов был улов. С той поры эту речку стали называть по имени Лэпы, а озеро получило свое название уже от реки.

ВСЮ БОЛЬ ЗЕМЛИ СНИМАЮЩИЙ

Вечерело ... Низкое солнце еще расцвечивало снега, но с каждым часом становилось все холоднее. Вдали показалось Тину'нытлы-тотяй — «Под бором находящееся озерище». Из этого озера вытекает речка Кану'пунстле'мя. Она протекает через все перечисленные озера, кроме озера Лэпа'котин, до «Озериша лис».

И снова новое озеро, и новое название — Кахе тяхан-то. Дословно оно переводится как «Озеро лунговой речки» (лунг — дух). Окружающий мир представлялся ненцам населенным духами, которые принимали непосредственное участие в жизни людей. Они приносили им удачу или неудачу в промыслах, доставляли радость или горчение, насыщали различные болезни и т. д. Земля, реки, озера, отдельные урочища имели своих духов-хозяев.

Наверное, это озеро имело для Аули Кольчевича какое-то особое значение, может быть, более глубокое, чем ориентиры его земли, оставленные позади. Казалось, что сидит он на снегоходе особенно торжественно, да и весь наш караван замедлил ход в знак почтения невидимым духам.

Неожиданно тишину природы, ее таинственность, первозданность нарушили какие-то зловещие чудища с разинутыми пастьюми, пустыми глазницами; из-под снега торчали огромными костлявыми фалангами пальцев вывороченные трубы... — мы въехали на брошенную бурюю... И уже совсем другой холод вторгся в душу. Ненцы нарекли это место «Пуровой ва'ав — «Лежбище бурой»». Вот так и появляются наряду со стары-

ми традиционными названиями новые. Однако не красят они ни землю, ни человека.

Цепляюсь взглядом за каждую сухую травинку, редкое деревце. Это обращаясь к ним, деревьям, ханты и ненцы говорили иносказательно: «Всю боль земли снимающий, всю боль человека снимающий». Рождается человек — его пуповину вешают на дерево. Более сильной связи человека и природы не найти. Поэтому и верят люди, что там, где Земле больно, вырастает дерево. Через дерево Земля обращается к Небу за помощью.

Полозья снегохода чуть не угодили в узкую извилистую речушку, петляющую под снегом и жухлой травой. Ее название Тяннятлы — «Подземная». Ночью такое место особенно опасно.

Мы въехали в небольшой редкий лес. Небо украсилось звездами, ветер утих. На повороте показалась довольно большая и крепкая избушка. Срубил ее лет пять назад Иуси Тыльу Ойсевич. Здесь, в 40 километрах от Варьегана, всегда можно остановиться отдохнуть, сделать привал.

Возле этой промерзшей избушки я впервые за день путешествия сняла кумыш. По обычай, в дом не заходят в меховой одежде. Так же поступают и после захода солнца. Если по какой-либо причине все же необходимо занести малицу, кумыш или оленьи шкуры для постелей, их трясут у огня приговаривая: «Если у Тебя (т. е. у того, кто может спрятаться в одежде) есть вести (сказки), ты их огню расскажи». После этого, считают ненцы, сон будет крепким, спокойным и этот Некто не помешает отдыхать страшными мыслями, кошмарами.

Мы вошли в дом, осмотрелись, зажгли керосиновую лампу и принялись убирать внутри. Видно, давно избушки не касалась женская рука. Пока мужчины разгружали нарты, кое-как растопили печурку. Дров в доме не было. Вблизи весь сухостой уже давно вырублен. Кроме того, как выяснилось, хозяин не любит заготавливать дрова впрок. Печь он в любое время года растапливал только для того, чтобы приготовить чай.

В котелке закипала вода. На стол собирали еду. Приехал и сам хозяин. Он был таким же крепким, как и его избушка. В 1989 году Тыльу вместе с мальчиком-сиротой, которого он взял на воспитание, собрал 12 мешков клюквы. Надеялись сдать ягоду да немного приодеться, купить патронов, еды. Сложил Тыльу мешки в одном месте, а сам пошел охотиться. Слышит — вертолет опустился у его избушки. Пока прибежал назад — ни мешков, ни вертолета. Горько было Тыльу, да не так за себя, как за ребенка, который мечтал о новой курточке и обувке. Где вы, люди с того вертолета? Может, прочтете эти строки и представите своего сына на месте этого мальчонки, и дрогнет ваше сердце. А может, и позднее раскаяние очистит ваши черствые души.

За ужином разговор коснулся загадок. Вот некоторые из них: «Что это такое? Помежду озера росомашья спина и колышется и подпрыгивает?» (бубен и колотушка), «Кто царский подарок всегда с собой носит?» (хвост горностая). Кстати, благодаря близи-не горностай считался зверем бога Торума. При виде убитого горностая женщинам полагалось закрывать лицо платком. Мясо этого животного нельзя есть собакам, так как они существа Нижнего мира. В противном случае, по народным поверьям, они могут усохнуть до размеров горностая.

Утром я проснулась от тихой песни, которую напевал Аули. Ее ритм мне напомнил качание ребенка в колыбели:

Лю-лю-лю-лю!
Понэ маншетутэм
Капин тасан мал'
Тятя кайвюната
Лю-лю-лю-лю!

Слушая песню, Юрий Кылевич заметил, что ханты утром не поют, иначе можно спугнуть добычу.

Быстро, но не суяясь, попили чаю и начали собираться. Путь предстоял долгий —

около 100 километров на север, причем избушек уже нигде не будет. Это самый трудный участок дороги. Тыльу немного проехал с нами, а затем свернул к чернеющему бору. Там он будет сегодня охотиться.

Все чаще стали попадаться участки тундры. Здесь растет ягель — хрупкие низкорослые серо-зеленые лишайники. В просторечии их еще называют оленым мхом. Это основной корм оленей.

Проехали еще одно «Дощатое озеро». Но у него иная история. Рассказывают, что однажды человек по имени Явун-ко шел со стойбища и случайно попал на большой мыс озера. Обходить его было слишком далеко, и он попросил Плотву его перевезти. Приплыла большая рыба и перевезла его.

Почему именно плотва стала героям этой легенды? Вспомним, что налим, по поверьям, — рыба плохой удачи, ерш — улов бедняка. На щуку также нельзя было посадить героя, так как это священная рыба. Язь — крупная рыба, и над ней шутить нельзя. Из ельца готовится традиционное блюдо хап. Только плотва и осталась не у дел. Возможно, поэтому ей досталась такая участь.

Мороз становился все крепче. Мы въехали на озеро Кал'ятан-то — «Рыбarya озеро». Здесь всегда много рыбы. Но сейчас люди не рыбачат. Слишком трудно стало вывозить улов, да и не оказалось заинтересованных в этом хлопотном деле. Так и остались несколько семей без заработка.

Названия озер порой бывает довольно сложно перевести на русский язык. Например, озеро Винкнин-ханыме'эй. Дословно его название означает «Росомаха — хозяин подземных ручьев».

Вдали показался небольшой участок леса. Где-то здесь протекает речка. По всему течению лед очень хрупкий. Но в одном месте есть переправа и, вероятно, она существует уже давно. Мы сошли с нарт. Мужчины принялись проверять лед. Если понадобится наводить мост, это задержит нас на несколько часов. Решили рискнуть. Разогнали снегоходы и удачно перескочили на противоположный берег. Позади осталась выступившая из-подо льда вода. Речушка, которую мы миновали, называется Чуньчи'ях. Даже Аули не помнит правильного перевода ее названия. Но все сошлись на том, что оно связано с какой-то враждой.

Местность становилась все более открытой. Чаще стали попадаться участки сплошного кочкарника. Снегоходы порой заваливались между кочек, переворачивая ездоков, и мы с надеждой ожидали появления глади озер. Там скорость движения максимальная, хотя ледяной ветер и обжигает лицо, руки, ноги.

Одним из таких огромных озер было Кыш-тяхан-тотяй — «Озеро Кыш реки». Юрий Кылевич перевел Кыш как «Тсс», в значении «не спугни». Здесь мужчины заставили нас походить, чтобы мы не закоченели. Времени было достаточно и для того, чтобы размяться, и для того, чтобы сделать столь необходимые в дороге записи.

Интересны слова-определители озер. Они говорят коренному жителю о многом. Например, «щечеэй» означает, что озеро мелкое, имеющее травянистые мысы, зачастую песчаное. «Ханымеэй» — озеро, имеющее подземные ручьи, «вехетлеэй» — искаженное произношение «ветлляя» — «прорезанный, вырезанный», то есть имеющий вытянутую, зигзагообразную форму.

На середине озера меня нагнал наш снегоход. Еще минута, и мы вихрем проскочили казавшееся таким огромным «Озеро Кыш реки». Редколесье все чаще сменяется болотами. Казалось бы, вечное однообразие. Но есть в этом состоянии природы нечто непередаваемо притягательное, совершенно необъяснимое. Здесь сошлись Пространство и Вечность. Кое-где еще просматривалась древняя оленная дорога.

За многие годы кочевок полозья нарт стерли, сгладили кочки болот. И все же это очень шаткий ориентир для нас, некоренных жителей этого края. Как же действительно найти ту, единственную верную, дорогу?

Все чаще стала замечать, что у некоторых сосенок на небольшом расстоянии от верхушки как бы обломлены ветки. Такие деревья, как балерины в юбочках, видны издалека. Только потом узнала, что это так называемые дорожные знаки — ня'кал. Их во время своих поездок сделал Юрий Кылевич, чтобы лучше запомнить дорогу к Аули на стойбище. Сам же Аули Кольчевич свою дорогу метить не любит, чтобы чужие к нему не ездили.

Вообще же, обычай метить таким образом дорогу не случаен. Представьте себе, едет человек на оленях. Дорога длинная, он начинает замерзать. И для того чтобы разогреться, ездок старался хореем отбить с дерева ветку — один с одной стороны, другой — с противоположной. Так со временем и начала просматриваться дорога. Юрий Кылевич видел это сам. Некоторые из таких деревьев стали уже большими, и по ним можно узнать старые оленные дороги.

В больших лесах в качестве ориентира на деревьях делают затесы. А на болотах, где сосенки в рост человека, кладут на верхушки кусочки мха. Когда начинаешь понимать эти знаки, становится не так страшно и одноко в чужом мире. Кажется, будто кто-то невидимый подумал и о тебе.

ДЕРЕВЯННЫЕ ГЛАЗА

Дальше озер не было, и ориентиром дороги теперь служила Земля — большие гряды по правую сторону, почти все уже раскопанные на грунт для карьеров. Задумывались ли люди над тем, что внукам сегодняшних оленеводов эти горы могли бы указать путь к родовым стойбищам их предков? А может быть, это те редкие святые места, обладающие особым смыслом, богатырские холмы, с которых слетают легенды? Вслушайтесь в их названия: Ты'шиняни Тыть'ай («Нижней стороны Землище»), Тел"

Тять'ай («Срединная Земля»), Вал'ы Тять'ай («Крайняя Верхняя Земля»).

Аули Кольчевич вспомнил, как они когда-то охотились в тех местах, на чистом болоте, посреди тундры, лежащей на самой Спине Земли. Тогда прямо на их глазах соединились два стада диких оленей. В каждом из них было голов по триста. А теперь, говорят, из этих оленей осталось всего семь... А ведь диких оленей предки современных ненцев называли Добычей Для Счастья. «О какой же добыче теперь нам мечтать?..» — вздохнул Аули.

И снова заговорили о святых местах. Самое большое святое место ненцев — на озере Нум-то. Второе — Му'лу сохо — расположено в верховьях притока реки Ампуты. Му'лу на ненецком языке означает «уязвимое место на теле человека, которое высывается из-под кольчуги». В другом варианте — «место возле шеи». Своему возникновению это название также обязано легенде.

Варьеганские старики рассказывали, что во времена, когда ханты и ненцы воевали с тасам капи*, одно из последних сражений разыгралось возле Му'лу сохо («Посреди болот, тундры бугорок с выдутой вершиной»). На этом месте, по одной легенде, врагов стали прижимать к горе и загонять вверх, вдогонку им полетели стрелы, попадая под кольчуги. С оставшимися в живых врагами заключили мир. В знак этого места и стало святым. Считалось, что тот, кто первым нарушит мир, будет наказан живущими здесь богами: численность народа сократится и виновный не сможет набрать войско.

По другой легенде, тасам капи были на горе. Спускавшихся вниз врагов ненцы легко поражали в открытые шеи. Подробности, связанные с этим сражением, есть в песне о безногом Айваседе из рода Тетт. В ней говорится, что когда ханты и ненцы воевали с тасам капи, никто не хотел брать безногого родственника для участия в битве. Тогда он тайком запрыгнул на нарту (то ли брата, то ли отца) и, достигнув места сражения, стал ползать между врагами и стрелять им под кольчуги. Говорят, таким образом он поразил большую часть войска.

Проехав Хыпитостан-то — «Сушиной (речки) озеро» — мы оказались на Тюйтяхан-тотяй («Озеро речки, по берегам которой много задранных корневищ поваленных деревьев»). Здесь у Юрия Кылевича стоит охотничья избушка.

Чтобы в отсутствие хозяев дом не отсыревал, дверь оставляют открытой. Ее даже специально снимают с петель. По приезде хозяин подарил нашему музею две правилки для натягивания выделанных шкурок: песцовую и горностаевую. А также скобель для выделки шкур — тячи^{**}шин — «прижимающий».

Очень холодно. Все чаще пытаюсь использовать любую возможность, чтобы походить по глубокому снегу. Это один из способов согревания. Ноги и спина от длительной езды

уже закоченели. Ничего не хочется делать. С трудом заставляю себя собирать сухие веточки, травинки, лишь бы двигаться. Пытаюсь оторвать кусочек коры от старого пня. На ней причудливо застыли островки лишайника, словно лес в миниатюре. Как обрадуется сын такой веточке с далекой земли.

Снова тронулись в путь. Природа уже не радует. В голове только одна мысль: как бы согреть ноги и живот. Кажется, вечная мерзлота вошла в тебя через плечи до самых кончиков пальцев. Впереди показался очередной ориентир — Пал^{***}мэй («Чернеющий»). Это островок леса посреди голой тундры. Его очертания особенно хорошо видны ночью.

Яркий солнечный свет слепит глаза. Приходится до предела напрягать зрение. Но особенно ослепительно белым все становится весной, когда наступает период сияния снегов. Глаза воспаляются, слезятся, начинают болеть и вскоре наступает слепота. Вот почему на Севере так необходимы снежные очки, по-ненецки хэм пяй — «деревянные глаза».

«Когда я их первый раз надел, — вспоминает Юрий Вэлла, — был вечер. Я поглядел на солнце на закате. Оно показалось мне огромным. Его верхний край заходил за верх «деревянных глаз», а нижнему, казалось, нет конца. Когда я их снял, — солнце ослепило меня. Теперь мне не нужно было доказывать, зачем человеку нужны защитные очки».

Для защиты глаз люди принимали самые разнообразные меры: закрывали глаза черным крепом, пользовались сетками из конского волоса и шелковыми вуальями, кусочками меха. Иногда для защиты глаз от яркого солнца и сильного ветра использовали беличьи хвосты, нанизанные на шнурок, который завязывался на затылке. Такие налобники в прошлом применялись у различных групп восточных хантов и назывались ланге тулык (ланге — «белка», тулык — «хвост летучей белки»). Подобные низки носили также для утепления шеи.

Однако наиболее надежным средством защиты глаз были очки в виде полумаски из сукна на подкладке, в которую были вшиты овальные пластины из жести, меди или дерева. Прорези для глаз должны быть обязательно узкими. Одна из загадок Олега Панкевича Айваседа из поселка Варьеган: «Что это такое? Две моргалки кое-как тече-

* Тазовские жители, в значении ханты, селькупы.

нием проедены». Ответ — хэм пяй, «деревянные глаза».

Интересно, что такие очки есть не только у людей. Однажды, говорится в сказке, ходил инородец проверять ловушку и заметил, что вроде горностай рыбу таскает. Решил на него поставить капкан. На следующий день горностай пошел охотиться и, увидев капкан, почувствовал себя очень оскорбленным. Задумал он отомстить охотнику. В помощь себе он взял инструменты, которыми пользовался человек.

Когда инородец заснул, горностай велел склизкой доске, на которой разделяют рыбу, леж около порога, точили спрятаться над дверью за косяком, рыбному пузырю залезть в пепел, ветке шиповника — в кинчики, которые одевает инородец, выходя на улицу. Березовая заготовка для стружки и сверло стали по обе стороны двери.

Когда все приготовления закончились, горностай шмыгнул человеку под рубашку, в самое теплое место и стал шекотать, да так, что тот не мог лежать на месте. Подскочил человек и бросился к чувалу, чтобы зажечь огонь. Но когда стал дуть на золу, пузырь лопнул и засыпал пеплом глаза.

Вскочил инородец скорее в кинчики, чтобы выбежать на улицу, а колючки так впились в ноги, что он не смог сдержать крика. Только дернул дверь, как сверху на голову упало точило. Поскользнувшись на доске для разделки рыбы, человек растянулся на полу. Березовая заготовка для стружки и сверло стали колотить его, пока тот не испустил дух.

Затем звери разделили все добро инородца. Чирку, острохвосту и гагаре досталось золото. Оттого у них бывает позолоченный хохолок. Горностаю — нарточка, которую он с тех пор возит за собой (хвост с черной кисточкой). А вот куликам-турухтанам достались очки...

Аули заметил свежий след выдры, очень ценного животного. В нашей стране их насчитывается 15-20 тысяч особей. Выдра имеет туловище почти метровой длины, короткие ноги и длинный хвост, толстый у основания. В воде она спасается от врагов и охотится. Предпочитает прозрачные быстрые речки, зимой — обязательно с проталинами. Поэтому иногда и попадает в ловушки для рыбы. По приметам ненцев, если выдра заходит в морду — это к несчастью.

Как бы забыв о цели поездки, все устремились разгадывать намерения зверя. Началась охота. Между тем день клонился к закату. Мороз становился все сильнее. Обнаружив место, где, вероятно, спряталось животное, мои спутники стали «колдовать» над кочками. Мне же дали самое легкое задание — отсечь выдре дорогу обратно, если она выскочит и побежит по льду. Вглядываюсь в маленькие бугорки снега, пытаюсь представить свои движения. Прошло минут сорок. Но то ли предчувствия неудачу, то ли видя, как я нетерпеливо и часто переминаюсь с ноги на ногу, решили все-таки тронуться в путь.

Дорога ближе к зимовью Аули становилась все сложнее. Сплошные кочки и нескончаемая тряска вымотали вконец. Одолевала тошнота. Общую картину дополнял морозный ветер, пронизывающий растрепанную голову и оголенную шею. Казалось, от сильной боли в висках я потеряю сознание. Шеки давно были практически отморожены. В какой-то момент я потеряла чувство времени и реальности, словно чужое незнакомое тело раскачивалось из стороны в сторону.

Мороз и ветер усиливались. Небо приобрело зеленоватый оттенок. Чтобы хоть как-то расшевелить, меня начали сбрасывать с нарт. Вынужденное движение согревало, но лишь на мгновение. Мы стали останавливаться все чаще. Первый снегоход ушел вперед пробивать дорогу.

Что делать? Сил ехать дальше не было. Пальцы рук свело от холода. Хотелось спать. Тело перестало повиноваться. Чтобы хоть как-то унять боль в висках, обмотала голову мешком. Ноги не слушались и сползали под полозья. Все чаще наступало забытье, становилось теплее и спокойнее. Только изредка сильный удар о кочку на миг возвращал сознание. Я поняла, что замерзаю. Сколько так продолжалось, не знаю. После очередного забытия очнулась от лая собак, доносившегося как-будто из-под земли.

Приоткрыв глаза, увидела небольшое стойбище. Скорее почувствовала, что здесь находится жилье человека. Ночью в темных силуэтах трудно угадать навес для морд, лабаз с утонувшими в снегу ножками-свяями ...

Где-то внизу, в сугробе, то загорался, то пропадал слабый лучик света. Собрав последние силы, перебросила руками через сиденье снегохода ноги. Долго, казалось вечно, приоравливалась, как сойти, а сту-

пив на землю, вскрикнула от острой боли, словно отточенное острие стрелы через пятки прошло сердце. Шаг за шагом, стиснув зубы, цепляясь за деревья, дошла до жилья. В темноте нашупала низенькую дверь. Не сразу смогла согнуться, чтобы войти. Аули и Раи пытались разжечь огонь. Здесь тоже не было дров. Я свалилась на промерзшую раскладушку. От заиндейских стен тянуло всепронизывающим холодом. По бревнам свисали желтые сосульки.

Мне казалось, что я это вижу не глазами, а каким-то своим вторым «я», которое идет со мной рядом. Зашатался пол, перекосились стены, потолок тяжелой глыбой сдавливал дыхание. Чувствую, как с чьих-то ног

стянули унты, разжали пальцы рук и сняли примерзшие к коже перчатки. Господи, только бы не сойти с ума ...

Очнулась уже утром. Приоткрыв глаза, увидела над окном рога оленя, на стенах вырезки из газет и журналов, поясные меховые сумочки. Сверху на мне лежала почти вся одежда, которую смогли собрать в доме. Хозяева спали на полу. Тихо потрескивал огонь. Лишь потом мне сказали, что я всю ночь стонала. Нужно ли было ехать в такую даль? Разве нет стойбищ в 30-40 километрах от Варьегана? Но все же я была счастлива. И от того, что выжила, но в большей мере от того, что встретила настоящих друзей.

БОР ВЫСОХШЕГО ДНА КОТЕЛКА

Место, где мы остановились на ночевку — весенне-осенняя стоянка Аули Кольчевича. Расположилась она на берегу извилистой и незамерзающей речки Хаплиута, впадающей в Ампгуту — приток Аганы.

О речке Хаплиута ненцы говорят, что это одна из весточек, которые хозяйка Аганы посыпает своему мужу. А было это так: старик Обь выдал замуж свою дочь Аган за сына Торум-Ики, которого звали Тром-Аган. Так как характеры их были, как у бурлящей реки, вместе прожили они недолго и разошлись: Тром-Аган — на северо-запад, Аган — на восток. Но тяга друг к другу осталась. И поэтому, когда хозяйка Аганы вспоминает что-нибудь хорошее из их совместной жизни, она поворачивается в сторону своего мужа и начинает грызть северный песчаный берег ягельного бора. Как вспомнит скору — рассердится, повернется спиной к нему и начинает грызть глинистый берег Черного Урмана. Когда очень соскучится — посыпает весточку в сторону мужа (притоки). В это время и муж посыпает весточку жене. Как приток — так новая весточка. И эти весточки

притоки Аганы и Тром-Аганы рано или поздно встречаются ...

Решили перекусить. На низеньком столике появились строганина, хлеб и горячий чай. Лучше всего согревает, говорит Аули Кольчевич, еда из мерзлого мяса или рыбы. А уж потом можно и горячего чаю. Я же про себя замечаю, что такое резкое чередование холодной и горячей пищи может любого оставить без зубов. И это действительно стало для коренных жителей настоящим бедствием. В интернате детей кормят пищей одинаковой температуры, а вернувшись на стойбище, они переходят к традиционной еде.

Мужчины засобирались проверить ловушки для рыбы. Пошла одеваться и я. Только сейчас разглядела на окошке разноцветные камешки агата. Оказывается, Аули набирал их здесь, в бору. «Иду, вижу цветной камешек. Почему бы не взять для красоты», — тихо проговорил он. И я в который раз изумилась этому чувству прекрасного, которое не погасии в этом человеке ни годы, ни суровая природа Севера.

Рыболовство — главный промысел северян. Способов ловли рыбы много. Основным является так называемый запорный*. Весной рыба спускается к местам нереста, лиши на заливные луга. В это время в проходе запора устанавливается плетенная из ивовых прутьев или из сосновой дранки ловушка — морда. Попавшую в нее рыбу вытряхивают и специальной палочкой в виде тупых граблей разравнивают по снегу. Подпрыгивая и обваливаясь в снегу, как в муке, она вскоре неподвижно застывает. Попутно узнаю, что строганина из щуки будет вкуснее, если рыбу сразу же оглушить.

Теперь, когда я окончательно отдохнула с дороги, пытаюсь определить свое местонахождение, день недели, привести в порядок записи путевого дневника. Они не столько о прошлом, сколько о будущем, о судьбах людей. Одному предстоит испытать риск, безумство, преодолеть себя, а другому суждена тихая и размеренная жизнь. Наверное, где-то на небесах предначертаны будущая жизнь и время смерти каждого из нас. Вера в предопределение судьбы особенно сильна у коренных народов Севера. Она приводила к отказу от борьбы за благоустройство своей жизни, к покорности судьбе. Так, ненцы обычно не оказывали помощи утопающему, считая, что он уже принадлежит Хозяину воды и судьбу его не изменить; не пытались вернуть к жизни и замерзшего. Поэтому с особой тщательностью вспоминаю средства согревания:

Покричать.

Спеть вслух.

Походить по глубокому снегу.

Поменяться обувью с кем-то.

Снять носки, кисы обуть на босу ногу.

Накрошить сухой травы верхушек в обувь.

Если мерзнет лицо — повернуть против ветра.

Сосчитать до ста с загибанием пальцев.

Вынуть замерзшую ногу и обуть в кисы снова.

Съездили за дровами в Тет тылⁱⁱапы тиньтай — «Бор высохшего дна котелка». Когда-то, во времена страшного голода люди ушли из этих мест. Пустой, сухой котелок для таежника — знак беды. Причин голода

могло быть много. Но человек на Севере в наибольшей степени зависит от окружающей природной среды, предоставляющей ему все необходимое. Не случайно самые большие голодовки на Севере вызывались миграцией зверя, плохим уловом рыбы, когда люди вынуждены были есть лиственничную и сосновую заболонь (слой под корой), кожу со своей одежды.

Пора было собираться в дорогу. Предстоял небольшой, в 12–15 километров, переход. Укладываю полученные от Аули Кольчевича подарки для музея: правила, ложку, колодки для оленя тын-пя («олень-палка»). Такие приспособления надеваются на ноги молодым оленям, чтобы они не разбегались. Колодки эти разных видов, и их необходимо менять. Одни бьют по ногам и мешают добывать корм. Иногда такой тип колодок может быть причиной гибели животного от голода, потому что олень не может наклонить голову за ягелем.

Есть и другие, поперечные, колодки, которые надеваются на шею животного. У Аули Кольчевича колодки для оленей приметны. Каждая имеет две вертикально вставленные палочки, которые придают ей устойчивость. Однако и у этих колодок есть существенный недостаток — вытирается камус*. Поэтому оленевод, чтобы сохранить стадо, время от времени должен менять все перечисленные типы колодок.

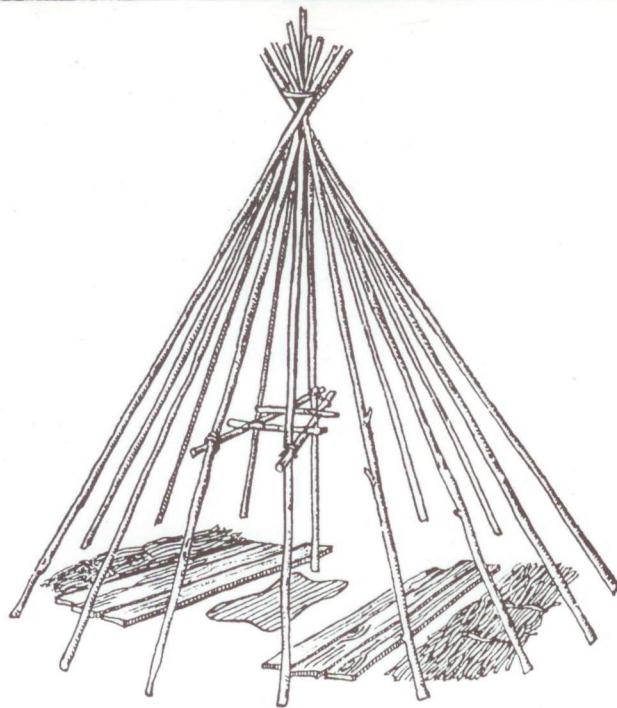
Выехали на озеро Хаплиута. Справа показалась высокая грива Панышакатай. Ненцы называют ее Спина Земли. Это тоже ориентир. В стороне остался огромный остров-бор Сугулис Нотяй. «Вроде бы это было имя человека» — говорит Аули.

Теперь это место называется Мылы Нотяй. Лет 80 назад здесь умер прадед Юрия Кылевича — Мылы. С тех пор остров посреди тундры носит его имя. К нему примыкает Тет нычунышан лохой — «Ведра вместе лиша закуток». Это значит, что когда бы сюда ни приехал человек, здесь всегда можно было «поднять котелок с мясом», то есть досытая поесть. Аули вспомнил, что весной, когда было особенно голодно, сюда собирались люди с разных стойбищ. В самом узком месте они садились, образуя небольшой проход. Если людей было мало, то на противоположной стороне в землю наклонно втыкали па-

* Запор — вбитый в дно реки или протоки ряд кольев, к которым прикреплены плетенные из планок щиты.

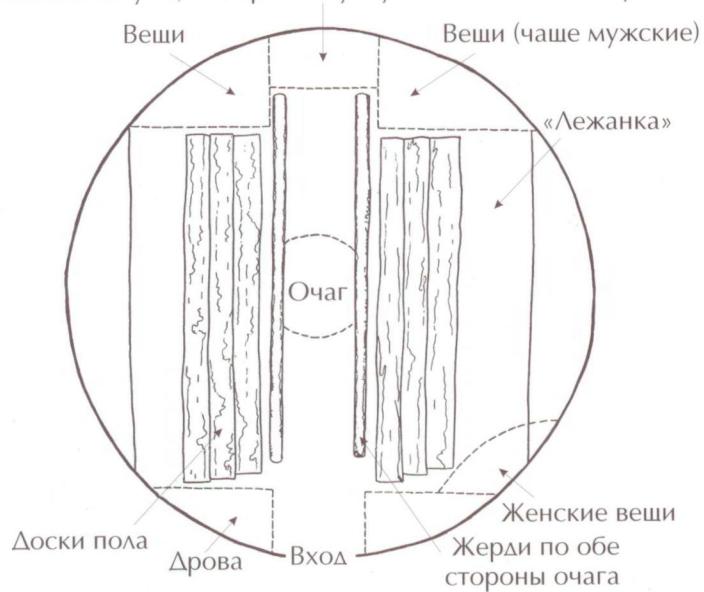
ⁱⁱ Камус — шкура с ног крупных животных.

Каркас чума

Святая стена чума, где хранят сундучок с семейными духами

Внутреннее устройство чума

лочки со свисающими на нитях перьями глухаря. Они колыхались и отпугивали оленей, которые в это время из лесов шли стадами в открытую тундру. Охотники, поднимая крик, гнали животных к этому проходу, в конце которого сидели мужчины-охотники и убивали бегущих оленей. Такой способ называли загоном с помощью махавок.

Около очередного «Лежбиша буровой» мы остановились. Не принято раньше хозяев въезжать к ним на стойбище. До чума оставалось метров триста, и эта остановка должна была как бы внутренне подготовить человека к встрече с домом после долгой разлуки, вносила почти неуловимый оттенок некоторой торжественности и внутреннего волнения.

На снегу рассыпаны узоры от оленевых копыт. Казалось, Аули слышит хорканье быков, видит обращенные в его сторону головы воженок и оленят. Старик как бы душой, глазами разговаривал со своими оленями. И в этот миг мы почувствовали, что его «голос» прерывать нельзя.

И вот мы на стойбище. Вокруг ходят олени. Это от них жилище защищено оградой из жердей — коралем. Не могла удержаться, чтобы не потрогать это милое животное. Привыкшие к человеку, они доверчиво тычутся мордой в ладошку, надеясь полакомиться кусочком сухого хлеба.

В чуме живут Олег Панкевич и Найта, сестра Аули Кольчевича. Она и пригласила меня войти в «дом». Сидя у железной печурки, я рассматриваю новую для меня конструкцию. Остов чума сделан из гладко оструганных жердей до 5 метров длиной. Поскольку в тундре нет леса, жерди возят за собой на специальных нартах ну'ту. Есть название и для самих жердей. У тундровых ненцев это мяде хаасава — «чумовые мужчины».

Как же ставят чум? На верхнем конце одной из жердей есть отверстие, а к верхнему концу другой привязана веревка. Этой веревкой, вставленной в отверстие первого шеста, связывают обе опоры. Их крепят наклонно, подставляя к ним еще два шеста. К этой основе прислоняют остальные шесты в строго определенном порядке. Главных шестов у чума два. В ненецкой загадке спрашивается: «Что это такое? Двое сто (своих) товарищей переметнули (привели)?» Отгадка — чум и его несущие жерди.

Ставят чум, как правило, женщины (в прежние времена на женских могилах оставляли несколько шестов). Они выбирают площадку, размещают места для постелей, очага, ставят основные шесты. Затем в чуме устанавливают очаг, вносят доски пола, шкуры для постелей, утварь. И лишь в конце жилище покрывают нюками — зимними покрышками, которые шьют из оленевых шкур.

День приезда на новое место и установка чума ощущаются хозяйкой как праздник. Для нас, русских, это как вселение в новый дом. В этот день женщина надевает праздничную одежду, и настроение у нее особенно приподнятое. В этом проявляется одна из характерных черт ненецкой психологии.

Внутри чума уютно. Справа и слева от меня лежат свернутые оленьи шкуры — постели. Под ними — лапник, чтобы утеплить место под постелью. Замечаю, что по обе стороны от печки положено по четыре доски пола. Их может быть и больше, в зависимости от достатка хозяев.

В чуме каждому определено его место. Хозяйка суетилась у огня, остальные занимались своими обычными делами. Мне дали посмотреть связку ножей (катях) для работы по дереву. Рыбу или мясо такими ножамирезать нельзя. Все ножи хорошонаточены, как и другие инструменты. Кстати, с бруском для заточки у лесных ненцев связан целый ряд примет и обычаяев. Например, брусконикогда не выпрашивают и не покупают, его обязательно крадут. Брусконепредают из рук в руки, а кладут куда-либо, и только потом другой человек может им воспользоваться. В исключительных случаях его кладут на тыльную сторону ладони. Брусконе выхватывают, иначе может случиться несчастье с тем, кто дает его или берет.

Настало время ужина. На каждой половине чума женщины поставили низенькие столики. Вскоре на них появилась замерзшая кровь, сырья печень. Оленье мясо — любимая пища ненцев. Особенно если оно сырое и пропитано кровью. Чтобы получить такое мясо, олена душат арканом. По традиции мясо запивают холодной водой. Аули Кольчевич запросто черпал ковшом воду из ведра прямо со льдом.

Только теперь я вышла из чума за оставленными в нартах вещами. Выйти-то несложно, а вот закрыть за собой «шверь» оказалось делом непростым. Нужно взять двой-

ной слой покрытия чума и с силой захлестнуть на другую половину. Лишь к вечеру следующего дня мне более-менее удалось научиться закрывать за собой чум, не давая морозу вытягивать тепло очага.

Как принято, я раздала подарки. Женщины получили платки, нитки, бисер, продукты, чашки. Аули Кольчевич очень обрадовался табаку. Ненцы называют его шун. На радостях старик меня поцеловал. Пришлось дарить по одной пачке, чтобы продлить обоюдное удовольствие. Все смеялись от души. Кстати, ненцы предпочтение отдают сигаретам без фильтра. Для многих же народов Сибири было характерно жевание табака. Смесь из табака и пепла березового гриба-трутовика закладывали за шеку. Лесные ненцы предпочитали закладывать смесь за нижнюю губу. Кроме того, ненцы Аганы поверх смеси кладут березовую стружку, чтобы крошки не попадали в горло. Вообще же использование табака в Сибири началось едва ли не раньше, чем в России.

У хозяйки очень мелодичное имя — Найта, что значит «жирненькая». Второе ее имя — Уванемя — «Мать Увы». Так называют женщину только в том случае, если кто-либо из ее детей характером и внешностью напоминает предков.

У ненцев могло быть несколько имен. Связано это с тем, что, по их представлениям, есть Некто — «Черный мужик», — который при случае может толкнуть человека

в яму смерти. Чтобы его обмануть, люди и должны были иметь по несколько имен.

Детей часто называли именами ушедших (умерших) родственников, чтобы имя не уходило из рода. В последнее время, с потерей родного языка, старые имена позабылись, а желание дать именно такое имя сейчас вошло в моду. Поэтому детям стали давать имена живущих родственников. Когда этот родственник умирает, то чтобы не напоминать о нем близким, это имя меняется. Иногда на время, а иногда и насовсем. Имя могло быть дано и по первому произнесенному ребенком слову, например Эка.

Ненцы верят, что время в Нижнем мире течет вспять, и умерший человек через некоторое время возрождается в младенце, носящем его имя. В одной сказке говорится:

«Жил на берегу реки одинокий инородец. Рыбу, которую он не съедал, вешал на специальные вешала — тасу. Однажды он почувствовал, что кто-то повадился таскать его улов. И тогда он насторожил самострел. На другой день встал и поспешил к насторожке: стрелы нет, рыба вся цела, а по траве кровавый след подранка тянется. Отправился инородец по следу, чтобы узнать, кого же нашла его стрела. Долго он шел, вдруг видит — в земле дыра и след обрывается. Он лег на землю и заглянул вовнутрь. Это оказалось дымовое отверстие чума. То, что он увидел, привело его в растерянность и он подумал:

... Что же со мной такое,
Во внутренности железной ляльки
Семиязыкий
Головопузише возлежит.
Белая искрящаяся борода его,
Касаясь подола постели,
Крылышку метущему подобно
Соринки вздымает.
В половине ягодицы (его)
Из раны стрелы
Крови сочится.
Матери его причитания
Слезами и плачем приправлены:
Лю-лю-лю-лю!
Я всегда наставляла тебя:
Инородца тасы конец*

... Намэм найса,
Ше"эв нэпун мюня
Ше"эв шесамы
Пел'чане"тяна.
Хэл' муун"шанта,
Пайнан пан нимя,
Л'ювш тал"ям-нэ
Компулу чи"пчиши.
Монсок петял'
Лу"кин мил'юмана
Кэм"камтупи".
Немянта кынавс
Тыл'таху" вонута:
Лю-лю-лю-лю!
Понэ маншетутэм
Капин тасан мал'
Татя кайвонатя.
Лю-лю-лю-лю!
Нум тапатамы",

* Таса — жердь специальных вешалов для сушки рыбы.

Пусть будет для нас свято-запретным.
Лю-лю-лю-лю!
Небом предначертанными,
Землей предначертанными,
Личинками мух (пусть) будем питаться.
Лю-лю-лю-лю!
Я всегда наставляла,
Родственников наших, не обойдя советов,
Поступок (безнравственный) пусть не совершим.
Лю-лю-лю-лю!
Когда результаты наших проступков получим
Ушедшими* родственниками совершенными,
Ушедшими родственниками найденными
К результатам их похождений,
К удачливости их охотничих троп
Мудрых дедов наших,
Мудрых бабушек наших,
На постелях отдыхающих,
На постелях играющих**,
До их возраста дожив,
Наш жизненный путь пусть не заметется.
Лю-лю-лю-лю!
Я всегда наставляла
Во всех делах ваших
Разумно будем поступать.
Лю-лю-лю-лю!

* Иными словами, умершими.

** Когда инородец заглянул в чум, он увидел что женщина качает в лульке старца, а на постелях лежат и играют мальчик и девочка. Он понял, что женщина — это мать бородатого чудовища, а маленькие дети — его бабушка и дедушка.

Тухул'иня" номул'кама",
Тухул'иня" мечькама".
Лю-лю-лю-лю!
Понэ" маншетутэм,
Ня"на" ватан камы,
Шел' нихимя" мэ"сы".
Лю-лю-лю-лю!
Шел'л'т тэ впа"на"
Хома" ня"на мэ"мы",
Хома" ня"на комы"
Тятынл'ами" тел'ка",
Кантял'ами" ноту",
Виви"ча нил'инана",
Виви"ча катаанана"
Пэн"ниня ниптакота",
Пан"ниня шана"кота"
Тил'ившан тел'шкана,
Кавштама" нитятыху".
Лю-лю-лю-лю!
Понэ" маншетутэм
Намыл'и шел'кана
Тячумана мэхэма".
Лю-лю-лю-лю!

По имени в чуме называют редко, скорее для других. Считается, что само собой каждый знает, к кому обращена речь.

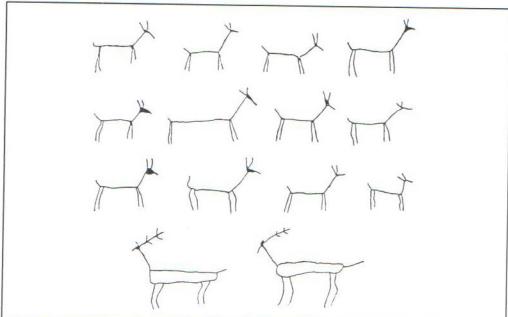
ДВЕ ЖЕНЫ ОДНОГО МУЖА

Обе семьи на своих половинах занимались привычными делами. Женщины убирали посуду, складывали оставшиеся продукты в корзины-корневатики. Юрий Кылевич бруском поправлял лезвие ножа и что-то рассказывал Олегу Панкевичу. Может быть, о родственниках, которые остались в Варъегане. Он не видел их около года. Пора бы съездить в поселок, пополнить запасы продуктов, да и запчасти для снегохода нужны...

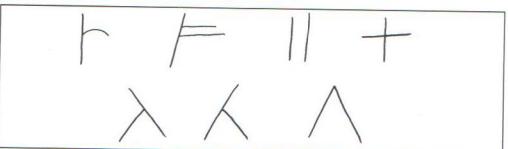
Лица друзей стали розовыми от тепла, на

них выступили капельки пота. Аули повеселел, начал шутить. Его жена, крепкая, несущая женщина, освобождала от чешуи очередную шкуру для строганины.

Обычно у ненцев было принято иметь две жены: младшую и старшую. Сами же браки, как правило, совершались в возрасте 16–20 лет. Но были и исключения. Исследователями описана супружеская пара, встреченная на Ямале, которой вместе был 21 год (11 лет жене и 10 лет мужу).

Остяцкие тамги XVII века. Аганская волость.

Знаки собственности рода Айваседа.

Если в семью нужна была работница, то мальчику сватали взрослую девушку. Мальчик вырастал, и, как часто это бывало, старой жене давал выбор: выйти замуж за другого или возвратиться к родным. Муж не мог выгнать старшую жену из семьи, ибо через своих детей именно она могла стать матерью рода, а не отец. Младшую жену чаще выбирал сам мужчина. Иногда это делала его старшая жена. Вот и получалось у одного мужа две жены.

Хранят варьеганцы память о Хылу ката — «Белой бабушке». Проворная и быстрая, она была самой древней в поселке. Голова у нее была белая, как первый снег. Прожила она, как говорят, больше ста лет. Была старшей женой, но хозяйство вела младшая. Детей у нее не было, поэтому они с мужем брали на воспитание сирот и ребятишек из бедных семей. Жены между собой жили дружно, нессорились. Интересную роспись-тамгу ставили они на документах — «след лебедя». Причем старшая ставила правую лапку птицы, а младшая — левую.

Говоря о семьяно-брачных отношениях, необходимо отметить, что еще сравнительно недавно существовали запреты на браки между ненецкими и хантыйскими родами. Так, Айваседа не вступали в брак с Сардаковыми, Иуси — с Айпинными, Пяк — с Ка-зымкиными, Вэлло — с Тайлаковыми.

Тем временем Найта достала свой мешочек для рукоделий и принялась штопать кисы. Слышно было, как гудел ветер, а в печке

А. Мухаметова. Портрет Белой бабушки. Фонды Мегионского городского музея

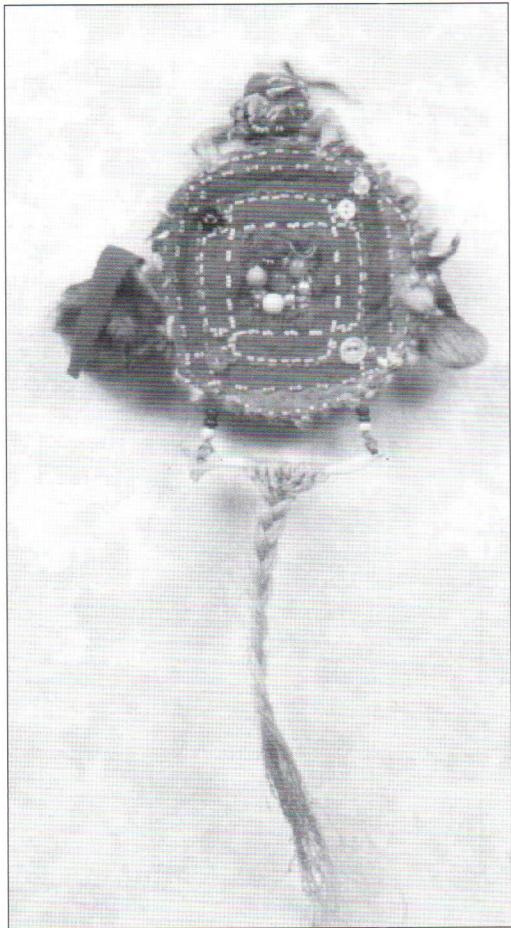
потрескивали дрова. Скоро их подбросят в последний раз, и до утра печурка будет молчать, чтобы потом вновь одарить нас теплом.

Меховые мешки — тутчаны — необходимая принадлежность кочевых оленеводов. При переездах в них укладывают все необходимое: одежду, обувь, посуду, предметы женского рукоделия и др. Они украшены меховой мозаикой, на тесемках из ровдуги* к ним прикреплены многочисленные бусы, металлические украшения, цепочки. На старых тутчанах можно увидеть археологические бронзовые литые фигурки, выполненные в традициях звериного стиля, копыта маленьких оленят. Ровно обрезанные и присшитые за острые конца, они напоминают миниатюрные колокольца и при движении издают специфический костяной звон.

К мешкам с женским рукоделием обычно подвешены маленькие меховые или ровдужные мешочки для наперстка и игл. Для игл на тутчан часто прикрепляют игольники — меховые или суконные лоскутки, вышитые оленым шейным волосом.

Я немного удивилась, увидев у Найты

*Ровдуга — замша из шкуры оленя.

Игольник. Фонды Мегионского городского музея

круглый лоскуток сукна: типично хантыйскую игольницу-хайтутавшти найшан — «вместилище для швейных принадлежностей».

По краю игольницы были пришиты метки с ушами оленей. Здесь же были пришиты лапки норки, кусочек шкурки горностая и старинная бусина. С подъязычных косточек оленя свисали сухожильные нити. А вот наперсток спрятался внутри лисьей лапки с коготками.

О наперстках у северных народов существует много загадок. Одну из них я услышала от мужа Найты — Олега Панкевича: «Что это такое? Дятлом раздолбленный пенек?».

А кто вообще изобрел наперсток? Случилось это так. Голландскому юноше, мастеру золотых дел, жившему в середине XVII века, приглянулась дочь скрупого и угрюмого со-

седа ван Ренселье — Анита. Искусная вышивальщица, она целыми днями сидела за пяльцами у окна. И вот в один из летних дней 1648 года она получила записку следующего содержания: «Уважаемой госпоже ван Ренселье приношу в дар безделушку моей выдумки и творения, дабы служила она защите ее чудных и работящих пальчиков». И подпись «Николя Беншотэн». К записке был приложен маленький золотой колпачок с насеченными на нем отметинами. Это и был первый наперсток. За какие-нибудь 30-40 лет изобретение Беншотэна завоевало Европу и дошло до России.

В традиционно-бытовой культуре сумочка для рукоделий имела большое значение. Женщина была неразлучна с ней, даже когда ей приходилось отправляться в иной мир. Сумку клали ей в изголовье, в игольник втыкали две пары игл. Без них четыре души женщины не могли возродиться в последующей жизни.

Сумка «переживала» вместе с женщиной все жизненные перипетии. Если женщина не могла пережить смерть мужа и желала поскорее уйти в потусторонний мир, она укладывала ему в могилу свою сумку «тутчан», чтобы «быстрее найти друг друга в стране мертвых».

Мне приходилось много спрашивать, и я боялась утомить хозяев. Но Аули Кольчевич как-то в разговоре заметил: «Это хорошо, что ездят такие люди, которые все записывают. Я никогда не задумывался над своим языком, а теперь пытаюсь найти объяснение каждому слову».

Вечер сменялся ночью. Постель мне уже подготовили. Все было уложено так, чтобы пространство вокруг меня оставалось максимально утепленным. Чум постепенно остывал, воздух становился острым, морозным. Гляжу вверх, и душа моя словно улетает в небо. Звезды будто тихо, но настойчиво повторяют: «Спи, спи, спи...», а сами невидимыми колюче-холодными пальцами прощупывают мои ноги и все тело. Взгляд скользит по жердям чума. Где-то в отблесках угасающего очага видится на точенькой ниточке паучок. Ненцы называют его «второй бабушкой». Он появляется к гостям или каким-либо известиям.

В отверстие вершины чума виднеется небо — небо уже следующего дня. Каким он будет? Завывает ветер, и порой кажется,

что его порывы снесут и нас вместе с чумом. Засыпаю ... Тело, уставшее от непрично тяжелого дня, отдыхает в тепле.

Где-то рядом слышу незнакомое дыхание спящего. Оно мне не дает уснуть, беспокоит. А может, я все это придумала? Может быть, это не я сплю в чуме, затерянная в бескрайних просторах Севера ...

И сейчас, вспоминая это состояние, я вновь ощущаю себя не то чужой, не то своей в этом непостижимом, суровом мире.

Вспомнилось, как вчера, выехав из рыбачьей избушки Аули на реке Хаплиута, я увидела зеленовато-голубое небо с отсветами северного сияния. «Это к бурану», — произнес тогда чей-то голос.

Утром погода действительно изменилась. Именно изменилась, а не испортилась. Для ненца нет плохой погоды. И тем не менее, в обращении к духам — лунгам — человек никогда не просит еды или одежды, очень редко просит счастья или удачи. Чаще всего на священном месте он молит богов, чтобы те даровали удачную погоду. Вышел на улицу — мороз! Это хорошо, можно идти на соболя. Если идет мокрый снег — на выдру, если закружила пороша — или белковать, а если буран, метель — самое время охотиться на лося. Ведь дело не в том, какая погода, а в том, как ты ею воспользуешься.

Первой в чуме встает хозяйка. Разжигает огонь, ставит чай. Затем просыпаются и все остальные. Завтракаем олениной, причем оставшийся бульон отдают собакам или выпивают в последнюю очередь.

Замечаю, что разговор все чаще заходит об оленях. Их у Аули Кольчевича и Олега около 200. Среди непонятной речи то и дело слышатся слова «Планета», «Туча», «Нямыт», («Рог»), «Катыкат», («Гагара») ... Мужчины еще утром отправились собирать с пастбищ животных. Женщины же то и дело прислушивались и выходили из чума. Как только заслыпалось хорканье, они начали суетиться у мешка с сухарями.

С появлением оленей зимний лес словно ожила. Все вокруг — чум, ограда, деревья — пришло в движение. Рая вышла навстречу с мешочком мелко накрошенной сушеною рыбой. Как не порадовать лакомством любимых животных! Аули замечает малейшие изменения в стаде, радуется пополнению. Тычутся олени в пахнущие рыбой ладони. Сколько же их вокруг! Белые, коричневые, пятнистые,

серые. «О! Как они выросли, изменились, сколько новых оленей прибавилось. Хорошо сделали, что приехали», — говорит Аули.

Я не могла удержаться от соблазна проехать на оленевой упряжке. Ненцы любят украшать упряжь кисточками, ленточками. Мы ехали вдоль леса, а затем по заснеженному озеру. Из-за надвигавшегося бурана не было видно прежней дороги. След от снегохода еле просматривался. По каким ориентирам ехать обратно? Но для ненца таких проблем нет. Он как бы парит над землей, намечая путь. Сидя на нартах, я почему-то ловила себя на мысли, что эта земля мне такая же родная, как и та, что осталась далеко от этих мест. Наверное, так и должно быть, когда тебя окружают простые и ласковые люди. Сколько раз замечала, что на моем краю стола оказывались самые вкусные, лакомые кусочки рыбы или мяса и постель была мягче, чем у других, из-за положенного под оленены шкуры матраса.

Полозья нарт тихо поскрипывали, когда мы ехали краем соснового бора. То тут, то там из-за заснеженных кочек, чернея, поднимали головы глухари. Вот она огромная птица, совсем рядом. Казалось, выстрели — и она твоя. «А зачем, — говорит Юра, — я от этого богаче не стану. А так через пару лет моим внукам будет добыча». Вот такие они люди! Для них природа — свой дом, к которому надо относиться бережно. Вроде казенная фраза, а по-другому сказать не могу.

С непривычки на оленях далеко не уехать. Затекают ноги, побаливает спина. Рассматриваю оленей. Вожака в упряжке зовут «Ильпи» («Чудовище»). Это крупный олень, приученный к упряжи. Второй — «Оляшета». Одного оленя, как правило, не запрягают. Обычно говорят при этом: «Неужели ты хочешь быть настолько бедным, чтобы ездить на одном олене?».

Как только олени почувствовали обратную дорогу, мигом понеслись к чуму. Юра подгонял их чуть слышным «тсс». Чтобы олени остановились, вожжи натягивают влево и к ноге животного слева втыкают хорей. Олень как бы притягивается к боку нарт.

Жизнь ненца немыслима без оленя. Сейчас, по самым приблизительным оценкам, пастбищные ресурсы нашей страны позволяют разместить около 5 миллионов северных оленей, из которых примерно половина

приходится на домашних. В настоящее время поголовье домашних оленей достигает цифры менее 1,8 миллиона голов — самый низкий показатель за всю историю оленеводства текущего столетия. А ведь исчезни олень, не станет и ненца с его национальной культурой, обычаями, укладом жизни. Оленеводство — это не только занятьость высокопроизводительным трудом значительной части народов Севера. Оно поддерживает на высоком уровне национальное самосознание, язык, культуру.

Здесь, на оленеводческом стойбище Иуси, убеждаешься, что бытовой уклад оленеводов не претерпел существенных изменений, то есть не получили распространения более комфортные, чем традиционные типы жилищ, виды одежды и т. д. Часто говорят о модернизации оленеводства, не сознавая, что сохранение традиционного уклада, где основным транспортным животным остается олень, имеет целый ряд очевидных выгод, включая и экологические.

О ЧЕМ ТВОЯ ПЕСНЯ, АУЛИ?

После быстрой езды морозным днем приятно согреться у огня. Уставшая, я, не раздеваясь, уселась на олени шкуры. Аули молча взял мою ногу, улыбаясь, словно не я, а он виноват, специальной палочкой принял сбивать снег с моих унтов. Я сразу же поняла свою оплошность, сняла у порога обувь, и доски пола остались сухими.

Сели пить чай. Юра принес мерзлую шукку и принял готовить строганину. Рыба тонкими стружками ложилась на низенький столик. В дороге я не раз замечала, что рыбью разделяют прямо на колене. Для этого ей сначала отбивают голову, отрезают хвост, плавники. Затем снимают шкуру, и с хвоста нарезают полоски мяса так, чтобы кости разрезались поперец. Из рыбной муки делали лепешки, но могли ее есть и просто так. Ее же применяли в качестве приманки на песца и как лакомство для оленей, чтобы они приходили домой.

Убрав со стола, женщины принялись доставать свое рукоделие. Рая принесла с улицы мешок с замерзшими пимами*. Легонько их вывернула, расправила, просмотрела швы. Как же, ведь целый год не доставала! Пимы — незаменимая обувь для зимы.

Шьются они двухслойными. Один чулок мехом внутрь, другой — наружу.

Теперь, когда я уже совсем освоилась, самое время осмотреть все строения вокруг чума. Вдали виднелся бревенчатый дом, его только что выстроили. Совсем рядом — маленький лабаз для хранения продуктов. Мое внимание привлек домик для собак. Это скорее дань традиции: собака — друг северных людей. Но своим лаем она распугивает оленей. Поэтому Найта частенько покрикивает на собак, чтобы те вели себя тихо.

Начало темнеть, когда я вернулась к чуму. Все собрались возле туши убитого в честь гостей оленя. Шкура была уже снята и лежала окровавленная здесь же рядом, на снегу. Мужчины ловко работали ножами. Сейчас немного найдется в Варьегане людей, умеющих одним ножом по хряшам разделать тушу такого крупного животного, причем в темноте, почти на ощупь.

С одной стороны обрезали ребра, и в брюшной полости быстро начала собираться кровь. Поставили таз и, сделав в обрезанной части две прорези для пальцев, как ковшом быстро вычерпали горячую кровь в посуду.

Этот ужин настолько отличался от нашего, европейского! На столе возле каждого из нас стояла миска с кровью. В ней плава-

ли кусочки еще горячей печени — традиционная еда ненцев. То и дело было слышно, как с ребер соскабливали еще не успевшее застыть мясо. Его куски обрезались у самых губ ножом, снизу вверх. Лакомыми частями туши оленя считаются язык, печень, костный мозг, сердце. Но наилучший деликатес — верхние хрящевые концы молодых оленевых рогов. Их опаливают, соскабливают с них шерсть и — еда готова.

Ненецкая речь довольно образная. Олег Панкевич, заметив, что начал слепнуть, сказал: «Меня скоро покинет ружье». На языке охотника это значит, что не будет он больше распутывать следы зверей, не порадует Найту серебристо-гладким мехом выдры или чистым мехом песца. Хотя он знал, что добычи больше не будет, все же возился с ружьем, даже подсмеивался над своей грядущей немощностью.

Наше пребывание на стойбище посреди ягельного бора затянулось. Все чаще в разговоре мужчин слышу тревожные, а то и раздражительные нотки. Оказывается, дети Аули и Олега задерживались в гостях и не подвезли бензина. Обратный путь, таким образом, оказался невозможным. Думали, не поехать ли на оленях, но олень в день проходит 30-40 километров. Весь же наш путь составлял более 100 километров. Пока мужчины искали достойный выход из создавшейся ситуации, я обдумывала, чем заняться на следующий день. Чисто бытовые проблемы накапливались с каждым часом. Понемножку начала обживать свой «угол» в чуме. Взгляд радовала подсыхающая на вешалах после стирки одежда. Воду для стирки приходилось расходовать очень экономно. За ней Олег ходил к озеру, а это неблизко. Когда лед станет толстым, придется растапливать снег. Вода в ведрах стоит возле печки и немного согревается ее теплом. Специально воду не грекут, нужно экономно расходовать дрова.

Стараюсь казаться беззаботной, но все чаще приходит мысль, как найти себя в этом мире, чтобы не стать обузой для людей.

За чаем мужчины решают вопрос о постройке корала для оленей, подсчитывают количество необходимых для этого жердей. Чай здесь кажется необычайно вкусным, и без него уже еда не еда. В Сибирь чай завезли среднеазиатские купцы. Это был кирпичный чай, получаемый путем торга от ки-

тайцев. Высушенные листья бросали в горячую воду и кипятили до получения черного крепкого напитка (возможно, в подражание местным традициям приготовления горячего напитка из чаги). Монгольские народы также кипятят чай в горячей воде. Нередко в чай кладут соль, поджаренную муку, масло. Для народов Севера такой способ не характерен, хотя известны примеры, когда лесные ненцы добавляли в напиток соль. Возможно, эти обычай являются «отголоском» монгольского способа приготовления чая.

Кстати, о том, что тебе больше не хочется чая, говорит перевернутая на бок чашка. Ее иногда могут просто накрыть блюдцем. В противном случае хозяйка каждый раз будет подливать кипяток.

После ужина каждый находит себе работу. Мужчины, уставшие за день, беседуют у огня, а женщины достают свои рукоделия. Найта на этот раз принялась заготавливать сухожильные нити — тын.

Для их изготовления берутся сухожилия оленя и от них отрываются тоненькие нити — волокна. Затем их немного смачивают слюной, протягивая через губы. Концы внахлест соединяют и скручивают, немного растягивая. На конце нити Найта делает узелок. Когда нитей соберется много, хожайка для прочности их прокоптит.

Аули то и дело напевает свою песню. Мелодия хорошо запоминается. Кажется, будто ей вторит бубен. Это была песня и снега, и деревьев, и неба, и земли. Ее звучание было ровным, голос мудреца — легким, слегка гортанным. Она не мешала мыслям Аули. А в голове старого человека много дум. Может быть, столько же, сколько деревьев в этом бору, сколько рек и озер на этой земле, где испокон веков охотились и пасли оленей его предки.

Иногда песню пытался подхватить кто-то другой, и тогда Аули сердился: «Не так поешь». О чём же твоя песня, Аули?

«Однажды Мальчевку в дом к человеку пришел. Оказалось, у того было что выпить. Поставил он гостю поесть и попить. И охмелели оба. Гость обратился к хозяину со словами: «Давай, я за оленей куплю у тебя спиртное». Получил еще 10 бутылок, когда хмель прошел, наступило время наста. Сказал Мальчевку хозяину: «Я сейчас домой приеду и приведу тебе то, что обещал — оленей». И уехал. Когда вскрылись реки, но

лето еще не наступило (время вы'ну), вдруг из-за реки раздался громкий голос: «Айда на эту сторону реки. Я твоих оленей привел». Человек глянул на ту сторону реки и увидел, что в упряжи стоят три девушки и сзади нарт привязано десять длиннокосых красавиц. У человека сердце ушло (испугался): «Ведь Мальчевку, когда уезжал, оленей обещал, а что мне делать с десятью девушки?», — подумал человек и не стал переправляться на ту сторону реки».

Странная песня... А рассчитана она на то, чтобы человек мог себе представить ситуацию, когда его олени вдруг стали людьми. Отсюда и отношение к ним как к человеку. Но в этой песне есть и еще один немаловажный момент — ненецкие времена года. Это у нас их четыре. А кто сказал, что их должно быть именно столько?

Ненецкий календарь действительно очень подвижен, и его трудно поставить в наши временные рамки. Судите сами:

Вы/и/ну — время, когда снег и лед расстали, а лист еще не вырос. В нашем календаре это вторая половина мая примерно до 20 июня.

Таны — время, когда вырастает полный лист, до первых заморозков или до начала желтения листа.

Каньчу — (от слова «похолодание») — время от начала желтения листьев до появления льда, когда можно ступить на лед. Это очень длинный период. Начинается он с первых заморозков, иногда это вторая половина июля — начало августа до начала

ледостава: обычно конец октября — начало ноября.

Мыл"ичу — (от слова «нальдь»). Этот период начинается от появления льда на озерах до наступления зимних морозов. Соответствует концу ноября до середины или конца декабря, очень редко до первых чисел января.

Хивы — (вероятно, от хил"ы — «снег»). Это время года характеризуется сильными морозами. Соответствует середине или концу декабря до первых оттепелей (январь-февраль).

Нал"ы — период, начинающийся с начала прилета орла (орла-белохвоста). Нал"ы переводится как наст (натаняни, то есть время появления наста: конец марта — апрель), а орел прилетает в конце февраля-начале марта. Таким образом, март входит в этот период, хотя в это время наста нет.

Кстати, у ненцев так же своеобразно и определение возраста: «возраст девушки белого шва» (17–18 лет), «достичь возраста поцелуя» (20–21 год), «когда первый раз самостоятельно пошел на охоту» (15 лет), «когда впервые сел на оленью упряжку» (5–10 лет) и т. д.

Опять кто-то запел песню Аули. Она не надоедает. Поют ее и утром, и вечером, слышна она то в чуме, то с упряжки нарт. Помимо воли замечают, что пою ее и я. Где-то в душе рождает она ощущение глубокой древности, оживают лес и озера, и дорога не кажется уже такой долгой и однобранной.

ПРИЧИТАНИЯ

СТАРОГО УСТИ

Мороз немного спал, а это значит, что на ночь уже не придется так сильно утепляться. Перед сном Олег вспомнил несколько новых загадок: «Одноногий мужчина вниз (в землю) проваливается» (сверло), «Некто речу загородил стеблями ивняка» (ресницы).

Следующее утро началось с «избиения» чума. Хозяйка взяла специальную палку кал"ю тянкшан («Журавль, отряхивающий») и начала изнутри как бы протыкать стенки жилища. Все остальные делали то же, но кулаками. Снег с шумом скатывался вниз, ос-

вобождая покрытие чума. Осевший под тяжестью снежного покрова, он как бы вздохнул. Благодаря этой процедуре чумовище не вымокает, не обвисает и делается легким, сухим, дольше служит людям.

Весь день был посвящен заготовке жердей для короля. Вооружившись топорами с длинными рукоятками, все ушли в лес. Работали дружно и быстро: мужчины валили лес, а женщины срубали ветки. Пришло время обеда, и нас пригласили пить чай. «Пить чай» — это традиционная форма приглашения к столу. Сегодня Найта положила в кипяток кусочек чаги — гриба-нароста на березе. Чага имеет лечебное свойство — это хороший антисептик.

После еды я убрала посуду, помыла стол. Хватит быть гостем, — думала я, — пора брать на себя хозяйские хлопоты. Понемногу свыкаюсь с новой ролью. «Дверь» чума за мной уже никто не закрывает, на вешалах сушится подготовленная мною очредная партия одежды.

По вечерам Найта все чаще поет. Она вообще любит петь, и ее песни, мягкие, нежные, ласковые, — об оленях, причем для каждого из 200 песня особая. И глубокой болью отзываются в душе строки из письма деда Юрия Вэллы: «Сынок, за последние три года я сменил несколько пастбищ. Нынешним летом двенадцать оленей пропали без вести. Куда бы я ни пригнал стадо, всюду много буровых, всякой техники и брошенных собак. С каждым годом оленеводческая жизнь становится все труднее».

На святых местах построили города, сквозь тайгу проложили бетонные дороги, ягельные боры вырубили под нефтяные вышки и поселки... Что делать людям, куда идти? И как покинуть в беде родную землю?

Глядя на мокрые, доверчивые мордочки оленей, невольно думаешь, как защитить их от надвигающейся на них беды: загубленных пастбищ, испорченных мазутом речек. Может быть, поэтому и вожу с собой в экспедиции небольшую книжечку стихов и прозы Юрия Вэллы «Вести из стойбища». Есть в ней такие строки:

— У Старого Усти, что из рода Айваседы, в начале прошлой зимы случилось несчастье.

— Что такое?

— На борах вдоль Варьегана белку промышлял. А нефтепровод по этим борам

проложен. Еду на оленях, говорит, по замерзшему озерку. Вдруг лед не выдержал ...

— Спокоен, знаю, что глубина здесь оленям только до брюха. Направил вожака к ближнему бору. Но что это? Кисы и малица покернели, олени покрылись черным блеском. А запах такой, что голову дурманит. Руку к лицу поднес — черное сало...

— Пиманс-кучахку!* Ех-хо-хо-хов!

— Оказывается, не озеро это, а котлован нефти. Когда случилась авария, нефть заполнила озерко, а под снегом не видать... Как ни пытались отмыть оленей — сдохли, замерзли. А сам хозяин выжил. Только осел Старый Усти.

Я редко здесь слышу слово «спасибо». У ненцев не принято благодарить. Вероятно, добрые дела должны совершаться как сами собой разумеющиеся. То же относится и к приветствию. Ведь если желаешь здоровья, — рассуждает Юрий Кылевич, — то можешь пожелать и беды? Тем не менее, отдавая дань русской традиции, произносят: «Анин торово!» («Еще раз здорово!»).

Завтра решено отправляться в обратный путь. Аули Кольчевич пожертвовал неприкосновенным запасом горючего, хранящимся на крайний случай. Понемногу собираем вещи, готовим одежду. И опять разговор заходит о наболевшем: на буровой оставлено железо, и олени ранят ноги, от дымящих факелов их шкуры стали пепельными. Почему люди не думают о будущем, о потомках? Таких называют «назад живущими» или «обратно живущими». Это люди без души. А что такое плоть человека без души? Это уже и не человек вовсе. Он не может воспарить в небо, не способен ощутить радость и боль живых существ, родившей его земли.

Я привыкла к моим новым друзьям. Мне хочется запомнить убранство чума, окружающие меня вещи, даже запах незнакомой земли. Сборы затянулись. Аули Кольчевич принялся разбирать какие-то детали снегохода. Он не любит расставаться. Я вышла из чума. Еще раз окинула взглядом прятанные с буровой сани, развешанные на деревьях какие-то гайки, цепи, железки. Это как бы своеобразная мастерская: есть здесь и колодки для оленей, и кусочки кожи, и проху-

* Непереводимое восклицание, которое у ненцев может означать испуг.

дившиеся арканы. «Все сгодится», — рассуждает Аули.

Путь домой всегда кажется короче. Немного осложняла путешествие оттепель. На лыжи нарт налипал снег, кое-где из-подо льда просачивалась вода, несколько раз тяряли сани, однажды сбились с дороги. До Варьегана остается чуть больше 40 километров. Скоро подъедем к избушке, где ночевали. Дров, знаем, не будет, поэтому запасаемся дорогой. Вот и долгожданное жилье! Ночь пролетела быстро.

За завтраком разговор зашел о рецептах лакомых блюд, которые Юра запомнил еще от своей бабушки. Из незрелой брусники, соединенной с мукой, она варила кисель. Шуку освобождала от костей и клала кусочками в эту смесь. Такое блюдо ели обычно ложками. А можно кусочки строганины из шуки просто макать в сок клюквы или брусники.

По пути заехали на заброшенное стойбище Соболя Айваседы — деда Юрия Кылевича. Сохранились остатки корабля, чум, колодки для оленей на деревьях. Юра остановил нарты у «знаменитой» сосны. Отмечена она памятью потому, что в детстве о ней он разбил бабушкины нарты. Вместе с дедом здесь жил Кисымы Айваседа. Умерли старики, и опустело родовое место.

По дороге проверили запор. В нескольких километрах от него находится летняя стоянка Соболя Аннотовича. Сейчас здесь хозяйствует его сын — Айваседа Василий Соболевич. Я не смогла удержаться, чтобы не поехать туда.

Стоянка была устроена по типу ненецкой, а вот дом выполнен по хантыйскому образцу. Дверь оказалась открытой настежь, и мы вошли внутрь. Прямо на нарах лежали ружье и разбросанные патроны. Справа печь, слева — низенький столик. Вот и все нехитрое убранство. Пол устлан досками с круглыми концами и с дырочками с двух сторон. Это л"а'та — доски пола чума. Через дырочки протягивалась веревка, и доски привязывались к нартам, когда семья перекочевывала с места на место.

Напротив дома — занесенная снегом хлебная печь. Чуть дальше — катял"и'пал"я — «мордышек навес». На нем пал"ча' («для макания») — подобие деревянных грабель для очистки мордышки от листьев и травы. Вешала для рыбы выглядят точно так же, как и навес для морд, только немного выше, чтобы было меньше мух.

Очень удобно, когда вешала ставят около муравейника или одной опорой в нем. Тогда муравьи, забираясь на вешала, будут обедать личинки мух, которые те откладывают в рыбе. Сверху такие вешала желательно прикрыть, так как рыба должна сушиться в тени. От этого она становится вкуснее.

Вот и эта стоянка осталась позади. Исписаны все тетради, записные книжки, блокноты и даже бланки для телеграмм. Еще час полтора езды, и наше путешествие закончится...

Помню, как, расставаясь, Аули Кольчевич спросил, что я расскажу о них другим людям? Я думаю, что эта небольшая книжечка и будет ответом на твой вопрос, Аули.

ВМЕСТО

ЗАКЛЮЧЕНИЯ

... На Агане существует примета: если медведь заходит на стойбище (или в дом) и шалит там — разбрасывает вещи, постели — это плохой знак, это к беде. Так случилось и на стойбище Иуси. Аули Кольчевич после этого долго болел, а потом тихо

«ушел к своим родственникам». Ханты говорят волых их — «бездыйным стал» или ушел (вернулся) в вечность.

Юрий Кылевич застал Аули, когда он уже был «собран в дорогу». Умершему в первую очередь закрыли лицо тряпицей. Так боль-

ше его и не открывают. Одевая покойника, предварительно обязательно повреждают его одежду (делают ненатумта' — «отмечают»). Надрез делается движением снизу вверх. Рукавицы, обувь надрезают вдоль пальцев. Также надрезается капюшон малицы. Это имеет особый смысл. Для покойника самое плохое — замкнутое пространство. Душа умершего должна беспрепятственно уйти, остается только бренная плоть. По этой причине в могилу не кладут вещей, похожих на мешок. Надрезается и подол малицы. Надрез лучше делать постороннему человеку, но имеющему к этой семье дальнее отношение.

Умершего, как правило, одевают в одежду не новую, а ту, которую он дольше носил, либо ту, что носил в молодости, иными словами, одежду, «обладающую памятью». У ненцев существует связь между человеком и его одеждой. По их верованиям, после смерти человек может приходить за своими вещами.

Также покойник приходит и за недостающими частями своего тела. Еще при жизни, в Новоаганской больнице у Аули отрезали

палец. Так он всю жизнь о нем вспоминал и горчался, что не взял с собой, не сохранил. По древнему поверью, без какой-либо части тела тебя не примут в Нижнем мире. Туда нужно являться без всяких потерь, сохранив человеческий облик. В противном случае дух умершего будет посещать здешний мир и не будет ему покоя.

Похоронили Аули Кольчевича на поселковом кладбище. У ненцев раньше родовых кладбищ не было — народ кочевой. Захоронили и покинули то место, которое назвали именем умершего.

Ненцы верят, что, когда умирает человек, старый или имевший определенное значение для своих родственников, он уходит в иной мир не один, а с «посохом», то есть его должны «сопровождать» еще несколько человек. Вслед за Аули похоронили его зятя, а чуть позже Айваседу Василия Соболевича — певца и сказителя.

Так «вернулся» Аули в вечность. Человек, проживший на земле отведенные ему дни, уходит в потусторонний мир. И коль оставит он о себе добрую память, люди с благодарностью будут вспоминать его.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айпин Е. Ханты — М., 1990.
2. Васильев В. И. Особенности развития этнических и языковых процессов в этнокультурных зонах европейского Севера северной Сибири // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. — М., 1985.
3. Вербов Г. Д. Лесные ненцы // СЭ, 1936, № 2.
4. Вэлла. Вести из стойбища. — Свердловск, 1991.
5. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. — Новосибирск, 1993. — С. 187.
6. Долгих Б. О. Происхождение нганасанов // Сибирский этнографический сборник. — 1952, т. XVIII. — № 1.
7. Лукина Н. В. Южные черты в пищевых традициях восточных хантов // Фольклор и этнография народов Севера. — Л., 1986.
8. Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. — М., 1969.
9. Северное оленеводство. — М., 1979.
10. Сибирская история. — Спб., 1774.
11. Соколова З. П. Путешествие в Югру. — М., 1982.
12. Соколова З. П., Туголуков В. А. Старые и новые названия народов Севера // СЭ. — М., 1983.
13. Сыроечковский Е. Е. Северный олень. — М., 1986.
14. Титов А. А. Сибирь в XVII в. — М., 1890.
15. Хомич Л. В. Ненцы. — М. — Л., 1966.
16. Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. — 1935, № 4-5.
17. Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. — М., 1959.

Приложение 1

Традиционные ненецкие имена

Женские:

Амыни — чья же такая девочка? (в смысле, какая она?)
Аттяни — Атти дочь. Атти — так младшие дети называют старшего брата (детское произношение; правильнее было бы Ыття)
Вальпи
Кыли (от кыле) — возглас, восклицание
Лаэмки
Лату
Макку — прислоненная
Маты (от майтна) — прихрамывающая (или от матна — пресекающая)
Мялю
Найта — имеющая сало, жирненькая
Нэл"л'ю
Нэл"л'ю
Ныйття — вкус (в смысле характер, способ общения), не пригодный для дружбы
Поту (может быть, от потамы) — пропитанная
Теттиля
Унна (У-уна), нуна — стоящая, здесь в детском произношении
Уттулу
Утча — маленькая
Утчани — маленькая девушка (детское произношение)
Хомни (правильнее хомани) — хорошая девочка
Хэл'ни — белая (ледяная, снежная) девушка (в смысле чистая)
Эка — первое слово девочки
Ээна

Мужские:

Ааля
Авахылу — белая (милая) голова
Аначи
Аатан
Вахалюма — замолвленный (когда роды проходили тяжело, просили шамана замолвить словечко)
Илюхка
Кольчу
Кыльчи (от слова кыл"юши) — кличка «хромой» (от вывиха бедра произошла хромота; это перешло в кличку)
Люлюхка
Мана
Мантна — могущий сказать
Нол"юма (от ноту) — имеющий дорогу
Оти
Пенали (от пена) — камус оленя (уменьшительно-ласкательное)
Теклю (правильно Чеклю) — за пояс заткнутый
Тетю
Тыль-у
Ували-Ува-Ува — имя, передающее плач ребенка (ували — уменьшительно-ласкательное)
Унгу — меня нет
Утчал'ка — маловатый (а вдруг еще будет ребенок в семье)
Ха'малта (ха'май) — могущий прыгать
Энни
Янча (от тянча) — на карте есть озеро Янчино в верховьях р. Варьеган

1p00k

Приложение 2

РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

